

★ Леонид АНДРЕЕВ ★

В БОЙ РАДИ ЖИЗНИ

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Леонид Андреев

В бой ради жизни

«Махров»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Андреев Л. А.

В бой ради жизни / Л. А. Андреев — «Махров», 2020 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-00155-166-9

Командир Красной Армии лейтенант Егор Кузьмин и его боевые товарищи попадают в пекло тяжелейших боев первого месяца войны. От полнокровной стрелковой роты остается всего десяток людей, подразделение оказывается в глубоком немецком тылу, но выжившие бойцы продолжают беспощадную борьбу с врагом и им удается пробиться к своим. За честно выполненный солдатский долг на самых тяжелых участках фронта и негибаемое мужество лейтенанта Кузьмина назначают командиром разведывательно-диверсионного отряда и поручают самые ответственные и невыполнимые задания. Во всех боевых операциях Егору помогает священная ненависть к подлому врагу и воинское братство.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-166-9

© Андреев Л. А., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Андреевич Андреев

В бой ради жизни

© Андреев Л.А., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Часть 1

Лидочка

Глава 1

Рёв взлетающих самолётов разрывал атмосферу, сотрясая всё вокруг. Пассажиры и служащие омского аэропорта на несколько секунд становились глухонемыми и старались промолчать или объясняться на пальцах, пока взлетал самолёт. Для лётного состава этот рокот был песней в их повседневной жизни, чего нельзя было сказать о пассажирах, для которых непривычный оглушающий грохот производил встряску всей нервной системы.

– Боже, и когда же наконец «Аэрофлот» перейдёт на европейские стандарты по шуму и распростится с «тушками», – произнёс один из пассажиров после оглушающего рокота очередной взлетающей крылатой машины.

Сидящие рядом пассажиры ничего не ответили, однако согласились, слегка кивая. Не найдя собеседников, пассажир, коим был весьма и весьма пожилой человек, обратился к рядом сидящей молодой девушке, своей внучке: – А скажи-ка, Лидочка, долго нам ещё здесь париться, как ты любишь выражаться?

– Дедуль, сколько тебе говорить, вылет нашего рейса по плану через полчаса, – слегка раздражённо произнесла девушка, затем, немного смягчившись и поцеловав деда в седой висок, добавила: – Ну потерпите немного, Егор Иванович, и не забывайте, что перед операцией вам нельзя волноваться.

И девушка, обняв рукой старика за шею, прижалась к его плечу.

– В моем возрасте, внучка, волнуются только в одном случае: успеть добежать до гроба и красиво расположиться в нём. Вот. А потом, зачем вся эта возня со мной, со старым пнём? – усмехнувшись произнёс дед. – Неужели в нашей стране не могут сделать эту клятую операцию? Непременно нужно тащиться в Германию?

– Товарищ боевой генерал в отставке, а ну-ка прекратить нытье и свои солдафонские шуточки, – в тон ему произнесла девушка. – Ты у нас ещё такой красавец, горы свернёшь, а туда же – о каком-то гробе. Немедленно прекратить эти разговорчики, а не то получишь три наряда вне очереди.

– Ну вот, научилась у деда. Тебе уже ротой можно командовать, а она, видишь ли, в журналисты подалась.

Но договорить Егору Ивановичу не дал голос из динамиков, возвестивший о посадке на московский рейс.

Уже в самолёте, уютно расположившись в кресле, Егор Иванович взял в свою большую ладонь нежную маленькую руку своей внучки, так заботливо опекавшей его в последнее время, и, глядя в глаза, тихо произнёс:

– Всё будет хорошо, дочка, – он всегда так называл свою внучку, когда говорил что-то важное. – Не волнуйся, прорвёмся, как всегда. В Германию так в Германию, не всё ли равно, где умирать. Но если что не так, похороните только там, где я сказал, – в моём родном Омске.

Егор Иванович отклонился на спинку кресла и стал смотреть через иллюминатор на ландшафт местности, над которой они пролетали.

Внизу медленно проплывали огромные участки зеленеющих полей, обрамлённые извилистыми речушками и ровными лесополосами. Самолёт накренился для разворота, и отражённые от многочисленных озерков лучи света заиграли в его салоне. Егор Иванович задумался: «Как здорово, как славно жить! Как хорошо, что на нашей земле уже давно царит мир, и боль-

шинство людей не знает, что такое война. И это правильно, человек должен постоянно думать только о хорошем. Но иногда нужно вспоминать, а точнее не забывать о той страшной войне всех времён и народов, в которой мы – моё поколение – победили. И если бы этого не произошло... – у старого генерала на секунду даже прервалась мысль, потому что даже ему, прошедшему всю войну, трудно было представить весь ужас, который мог произойти с нашей страной. Но он нашёлся и закончил мысль: – Сейчас этой прекрасной и цветущей страны, этого замечательного народа просто бы не было».

Егор Иванович с большим интересом смотрел через стекло иллюминатора на безграничные поля и просторы своей огромной и великой Родины. А на память ему приходили другие поля, изрытые снарядами и бомбами. И старый советский генерал вдруг отчётливо вспомнил совсем небольшой эпизод из своей столь многогранной боевой жизни. Тогда он лейтенантом, как и многие, кто только-только окончил военные училища, попал в самое пекло войны. Но его воспоминания прервала Лидочка:

– Дед! Егор Иванович, о чём задумался? – весело, с искоркой в глазах спросила внучка.

По всему было видно, что начавшееся путешествие девушке нравилось, и ей не терпелось разделить свои радостные ощущения с близким человеком.

– Да так, ни о чём, – грустно ответил Егор Иванович, недовольный тем, что его оторвали от нахлынувших воспоминаний.

– Так и ни о чём? – не унималась Лидочка.

Егор Иванович отвёл взгляд от иллюминатора и медленно повернулся к Лидочке.

– Послушай, егиза, вот сколько я знал на свете Лидочек, такой, как ты, настырной ещё не встречал. А, впрочем, это и хорошо.

– Так, так. Это каких таких Лидочек ты по жизни встречал? Ну-ка колись, дед, – не унималась внучка. – Не бойсь, бабушка не узнает.

– А ну тебя.

Егор Иванович уже хотел отмахнуться от назойливой внучки и продолжить наблюдение в иллюминатор, но вдруг передумал. Старый генерал немного помолчал, не обращая внимания на тараторившую Лидочку, а затем резко повернул голову в её сторону и, глядя в глаза, произнёс:

– А и в самом деле, послушай историю про одну Лидочку. Полагаю, тебе не будет скучно. А то ведь как-то надоело столько лет хранить это в своей памяти. Считай, что это исповедь старого генерала.

И Егор Иванович не откладывая в долгий ящик начал свой непридуманный фронтовой рассказ.

Глава 2

Бой давно уже закончился, но в помутнённом сознании Егора Кузьмина, командира второй стрелковой роты, всё ещё звучал нескончаемый гул артиллерийской стрельбы и гусеничный лязг прорвавшихся вражеских танков. Егор открыл глаза. Голубое июльское небо, как кистью на картине, было измазано чёрными и синими полосами гари и дыма.

Лейтенант встал. Чисто автоматически стряхнул с себя пыль и стал пристально вглядываться в окружающее пространство, именуемое полем боя. Насторожённость оказалась не лишней, так как справа, метрах в пятидесяти от него, из горящего бронетранспортёра, минуту назад подорвавшегося на mine, как очумелые выскакивали немецкие солдаты и разбегались в разные стороны, стараясь погасить горящую одежду.

– Ах мать вашу! Не нравится наша поджарка? Ничего, привыкнете.

И отчаянно сплюнув, Егор начал быстро озираться вокруг себя, отыскивая нечто вроде автомата или гранаты. Не найдя ни того ни другого, красноармеец поднял с земли винтовку, лежащую рядом с убитым бойцом из его роты, и стал прицельно вести огонь по разбегающимся фашистам. Вражеские пехотинцы, увидев стреляющего в них противника, быстро залегли и ответили встречным огнём из автоматов. Егор продолжал стоять, ловя в прорезь прицела своей трёхлинейки залёгшего неприятеля. Пули с пронзительным визгом веером проносились возле него.

– Врёшь – не возьмёшь, я заговорённый. Зато мне сподручней бить вас стоя. Гады!

И действительно – то ли немцы никак не могли прийти в себя после контузии, то ли в самом деле Егор был заговорённым, но ни одна пуля в него, к счастью, так и не попала. Зато он хладнокровно и прицельно уничтожал врага одного за другим. Да таким образом, что оставшиеся в живых фашисты, не выдержав этого психологического поединка, не сговариваясь, соскочили с мест и опрометью драпанули на свои позиции. И очень кстати, потому что в обойме трёхлинейки уже закончились патроны.

– Чистоплюи вонючие, не хочется подышать? Вы думали, вас тут мёдом будут потчевать?

И Егор выругался со всем славянским многообразием и прямотой.

Немного успокоившись после этого скоротечного боя, лейтенант начал отыскивать солдат, своих боевых товарищей, среди перепаханных окопов и груды искорёженного металла.

На позиции, где его подразделение держало оборону, как в кошмарном сне, остановилось жуткое мгновение прошедшего боя.

Словно в художественной панораме, застыли солдаты в неестественных позах, где их застала смерть. Только здесь были не макеты, как в панораме, а люди, несколько минут назад ещё дышавшие и жившие.

Егор подходил к каждому, становился на колени и припадал ухом к груди. Он тормозил всех подряд, но солдаты, которые недавно беспрекословно выполняли все его приказания, эти совсем ещё юные мальчишки, мальчишки, сейчас являли собой скорбное зрелище, как бы говоря: «Прости, командир, но большего мы не смогли, а так старались». Слёзы навернулись на глаза лейтенанта.

«Неужели все погибли, неужели все? – прокручивалось у него в голове. – Не может быть! Не может быть! Почему же тогда я, их командир, жив и невредим? Это несправедливо».

Егор ещё и ещё раз тормозил тела погибших солдат, как будто от этого они непременно должны были ожить. Но они оставались мертвы, несмотря на молодость их лиц. И это являлось диким и леденящим душу противоречием с цветущей вокруг жизнью.

Присев на бруствер окопа, командир роты отдышался, достал папироску из портсигара и, зажав её в пальцах, долго смотрел перед собой, забыв прикурить.

Скорбное и неподвижное состояние лейтенанта нарушило странное смещение почвы у ног. Как будто из-под земли вот-вот должен был появиться крот. Но там появился солдатский сапог, а за ним и второй.

Егор вышел из оцепенения и, прыгнув с бруствера, начал пальцами отгребать сухую глину вперемешку с песком. После нескольких секунд работы перед ним предстал сержант Николай Петренко, которого во время боя контузило и засыпало землёй от разорвавшегося рядом снаряда. Петренко дико взирал на своего командира, ничего не понимая.

– Шо це таке? – спросил сержант, буравя Егора карими глазами.

– Шо, шо... Раздолбали нас немцы, вот шо, – грустно ответил Егор. – Ты сам-то цел?

И командир помог подняться сержанту.

– Товарищ командир, это вы, что ли?

– Нет, Микола, не я. Це твой диду Панас.

И видя, что Петренко всё ещё никак не может прийти в себя, резко потрянул его за грудки.

– Слава богу, хоть цел.

Петренко окончательно пришёл в себя, и хотя пока ничего не слышал из-за контузии, он был счастлив, что вновь обрёл командира, и, как прежде, был готов выполнять все его приказы и распоряжения.

Егор на пальцах объяснил сержанту, что нужно искать оставшихся в живых бойцов. Они с удвоенной энергией продолжили поиски, которые вскоре увенчались успехом. И на свет божий был вызволен рядовой Исмагилов.

– А ну, шайтан, вставай, чего разлѣгся! – радуясь и злясь одновременно, начал шуметь Егор на оглохшего красноармейца. – Слава богу, и ты цел, Равиль. Ну всё же полегче, братцы.

Они ещё долго пытались отыскать живых или раненых сослуживцев, но безуспешно. Лейтенант и два бойца, прихватив уцелевшие винтовки, направились к штабу полка.

Но там их ожидала такая же жуткая картина отгремевшего боя, как и на их позиции обороны. Повсюду лежали погибшие бойцы Красной Армии и трупы фашистов в серой мышиной форме.

Блиндаж, где находился штаб полка, разнесло так, что бревна, представлявшие собой некогда крышу, стояли вертикально веером, как заточенные карандаши в стакане. В центре этого веера стволом вверх разместилась башня от немецкого танка, сорванная невесть какой силой и прилетевшая невесть откуда. Метрах в сорока горели два вражеских танка и один бронетранспортёр. От них дым чёрными столбами уходил высоко в небо. Егор огляделся. Вокруг воцарилась мёртвая тишина в прямом смысле, и только с востока слышались еле уловимые раскаты идущего боя. Туда уходили передовые танковые части противника.

Петренко и Исмагилов не отрываясь смотрели на командира, как бы спрашивая: «А нам-то что делать?»

– Что, что... – сквозь зубы ответил Егор, как бы предугадывая их мысли. – Немцев бить, вот что. Ладно, ребята, здесь нам уже делать нечего. За нас всё сделали. Будем двигаться вон к тому дальнему лесу, а там куда-нибудь да выйдем, одним словом, пойдём на восток, к своим.

Лейтенант вытащил карту местности из своего планшета, но толком так ни в чём и не разобрался. После чего засунул её обратно.

– Ну что стоите? Пошли.

И закинув за спину винтовки, они направились на восток, в сторону дальнего леса.

Глава 3

Не встретив никого на своём пути, троица добралась до леса. Пройдя через него, красноармейцы вышли к деревне. Через центр села проходила широкая утрамбованная дорога, тянувшаяся с запада на восток.

Начало смеркаться. Лейтенант Кузьмин решил, что всем сразу не стоит входить в деревню. Некоторое время он обдумывал, кого послать в разведку, затем решил, что пойдёт Исмагилов, так как верзила Петренко привлечёт лишнее внимание, зато маленький Равиль пролезет везде, как мышь.

Через некоторое время Исмагилов вернулся и доложил, что немцев в деревне нет, а в ближайших домах – старики и дети. Затем все трое направились к крайнему дому и вошли в него.

В доме было по-деревенски просто и уютно. На деревянной лавке у окна сидел старый дед и цедил махорку из газетной закрутки. У печи хлопотала миловидная девушка в широком сарафане, явно не со своего плеча. Командир и солдаты, зайдя в дом, сразу закашлялись от едкого махорочного дыма.

– Да разве ж можно так чадить, дедуль? Ладно сам, внучку-то хоть пожалей, – продолжая кашлять, проговорил Егор.

– Кому дедуля, а кому Никифор Ксенофонович, – невозмутимо прошамкал старик. – Ишь ты, пожалели. Вы бы лучше землю-матушку нашу пожалели, а не драпали от немчуры. Не сегодня-завтра они и до нас доберутся, а вас и след простыл...

Не дав договорить деду, Егор возмущённо возразил:

– Дед! Не ровен час и по шее можно получить за такие слова. Развёл политинформацию. Небось, сам драпал от немцев в Первую мировую, а теперь, видишь ли, взялся судить. Прокурор хренов. – затем, немного смягчившись, добавил: – Ты бы лучше покормил нас, чай не чужие. С поля боя идём догонять свои части.

– Догоняйте, догоняйте, только не упадите.

– Хватит ворчать, дедушка, – не выдержал Исмагилов. – Мы очень устали, дедушка, и очень голодные, хоть картошка найдётся?

– Бульба, а что ж ей не найтись? Лидочка, что там у нас осталось с ужина? Подай дорогим гостям, – прошамкал дед, не вынимая изо рта козью ножку.

Лидочка вытащила прихватом из печи чугунок с ещё горячей картошкой и поставила на стол. Достала из ящичка хлеб, который был завернут в белое полотенце, и нарезала его толстыми ломтями. Не забыла поставить и чашку с огурцами и луком. Красноармейцы дружно и с большим аппетитом всё это смолотили за считанные минуты. Затем, поблагодарив хозяев за угощение, попросились на ночлег, поскольку за окном уже стемнело. Дед определил их на чердак большого сарая, который находился во дворе. Поднявшись по лестнице на чердак, взводный и его бойцы устроились на сене и сразу же заснули.

Летняя июльская ночь коротка, и ранний рассвет разбудил бойцов. Но не сам по себе. Они проснулись от несмолкающего шума и грохота, который доносился с улицы. Приоткрыв дверцу чердака и прильнув ещё сонными глазами к щели, красноармейцы обомлели.

По большой дороге через деревню шли немецкие войска. Двигались всевозможные армейские части в большом количестве. От тяжёлой моторизованной техники содрогалась земля.

Все дворы в округе сплошь были заполнены вооружёнными людьми, расположившимися на кратковременный отдых. Не избежал этого и двор, где нашли временное пристанище трое красноармейцев.

– Как же их много! – прошептал Егор. – У нас и патронов-то столько нет.

– Товарищ командир, – тоже тихо произнёс Петренко, – у меня три противопехотных гранаты есть и одна лимонка.

Егор отпрянул от щели и вопросительно глянул на сержанта, затем произнёс:

– Гранаты? Це хорошо, Микола, только мы их для Гитлера припасём.

Тугой на юмор Петренко серьёзно кивнул в знак согласия.

Меж тем окончательно рассвело. Во дворе стоял зычный немецкий говор. Вражеских солдат, уставших от длительного перехода, двор привлёк своим колодцем, и они прямо возле него, раздевшись догола, начали производить помывку, вытаскивая вёдрами холодную воду. Рядом была аккуратно сложена форма, и пирамидой стояли винтовки с автоматами.

– Обнаглели, сволочи, – проговорил Егор. – Ишь ты, ничего не боятся. Эх, пальнуть бы сейчас по ним из пулемёта, по их голым ж... Чую я, братцы, что будет у нас последний и решительный бой, как поётся в Интернационале. Да, Равиль? Что молчишь, шайтан?

– Да, товарищ лейтенант, потому что нам отсюда уже не выйти.

– Як не выйти? Они там, мы здесь. Какого ляда они сюда попрутся? – зашептал Петренко.

– А ну как попрутся? В общем, готовьте оружие, товарищи бойцы, на всякий случай, – заключил Егор.

Меж тем на свою беду во двор из дома выскочила Лидочка по каким-то делам и быстро пошла к сараю, опустив голову и не замечая голых мужчин. Те, в свою очередь, заметили её и втолкнули в образованный ими круг, гогоча во всё горло.

Солдаты развлекались тем, что гоняли по кругу обезумевшую девушку, щипая её и хватая за одежду.

Наконец Лидочке всё же удалось вырваться, и она с перепуганным лицом побежала куда глаза глядят.

Из толпы голых мужчин отделился молодой парень и кинулся за ней под ещё больший хохот и улюлюканье сослуживцев.

Лидочка как ошпаренная металась по двору, стараясь увернуться от преследователя. Наконец ей на глаза попала лестница на чердак сарая, и она, не придумав ничего лучшего, а точнее в эту минуту ничего не соображая от страха, начала быстро взбираться на чердак.

Как молния, ворвалась Лидочка на чердак, спасаясь от насильника, и забилась в самый дальний угол. Буквально через несколько секунд ворвался и её преследователь.

В полутьме чердака он начал искать свою жертву. Присмотревшись, немец отчётливо разглядел трёх вооружённых людей, которые стояли как каменные и недоумённо взирали на него.

Мгновенно оценив обстановку не в свою пользу, он метнулся назад к дверце чердака. Исмагилов, стоявший ближе всех к выходу, кинулся наперерез и хотел преградить немцу путь к отступлению. Но тот отшвырнул его с такой силой, что маленький Равиль, как собачонка, отлетел в карнизный угол чердака.

Егор быстро опомнился и воспрепятствовал немцу покинуть чердак. Он метнулся к нему и, ухватив за ноги, повалил. Немец быстро освободил одну ногу и сильно ударил Егора пяткой в лоб, да так, что лейтенант на несколько секунд потерял сознание, а из его глаз посыпались искры.

Голый немец вскочил и, неистово вопя, кинулся к чердачной двери. Он с силой толкнул её от себя, но дверца не поддавалась, так как открывалась вовнутрь.

Этот факт и сыграл с ним злую шутку, потому что наконец-то в дело вступил тяжёлый на подъем Петренко. Николай обхватил немца своими огромными ручищами за талию и поборцовски упал с ним на спину. И в этом положении они начали бороться на полу, разнося во все стороны кастрюли, котелки и другой чердачный хлам с невероятным шумом.

Исмагилов передёрнул затвор винтовки и приготовился стрелять в немца, но пришедший в себя Егор быстро подскочил к нему и приставил кулак к его лицу.

– Не смей! – прошипел он.

Меж тем шум на чердаке и вопли немца привлекли внимание во дворе. Солдаты притихли и стали вслушиваться в происходящее на чердаке.

Егор подскочил к окаменевшей Лидочке и выпалил ей в лицо:

– Кричи, дура! Громко кричи.

Но Лидочка продолжала молча стоять, трясаясь от страха.

– Да кричи же наконец! – зашипел ей в лицо Егор. – Дура!

И он сильно ухватил её за грудь.

Девушка хлестко ударила его по рукам и отскочила. Затем, набрав воздух в лёгкие, закричала что было мочи, да так, что Егор чуть второй раз не получил контузию.

Солдаты во дворе вновь загоготали, отпуская похабные шуточки и продолжая спокойно одеваться.

– Всё, пропала девка, прокололась, – громко хохоча, выкрикнул один из приятелей голого немца.

Меж тем Петренко локтевым суставом перехватил немцу горло и сильно сдавил. Тот захрипел, немного подрыгал ногами и замолк навсегда.

Все, тяжело дыша, смотрели друг на друга и на голого немца, вытянувшегося по струнке на полу.

– Ох и здоровый кабан, – наконец заговорил Егор. – Небось говорила ему мама: погубят тебя девки. Не послушался.

Затем, глубоко вздохнув, серьёзно произнёс:

– Значит, вот так вы пришли в наш дом, без стука. Насиловать. Ладно, без стука и мы вам будем бошки отрывать.

Немного помолчав, Егор настороженно продолжил:

– Братцы, а ведь скоро они его хватятся, к тому же ещё и помощничков пришлют. А Миколы на всех не хватит.

– Командир, не надо издеваться, – тяжело дыша, произнёс Петренко.

– Прости, Николай, прости. Если б не ты, у нас сейчас с немцами была бы короткая любовь. Почикали бы всех из автоматов или сожгли живьём в этом курятнике. А сейчас надо уходить.

Егор подошёл к Лидочке.

– Лида, кроме этой двери, здесь есть выход в дом или огород?

Лидочка вышла из оцепенения и, отрицательно замотав головой, произнесла:

– Нет, только эта дверца.

Егор чертыхнулся.

– Кажется, нам крышка, ребята. С тремя винтовками не пробиться. Вон их сколько, не меньше двадцати с автоматами. Микола, готовь гранаты, снаряжай запальниками.

Затем он подошёл к дверце и через щель глянул во двор. Солдаты уже полностью оделись и стали расходиться. Но двое остались, видимо, приятели голого немца. Они курили и о чём-то переговаривались, затем несколько раз окликнули своего приятеля по имени.

– Вот заразы, а ведь не уйдут без него, – произнёс Егор.

Затем он быстро перевёл свой взгляд на Петренко и выпалил:

– Раздевайся, Микола, вы с ним одного телосложения.

– Шо? – медленно произнёс Петренко.

– Я приказываю! Раздевайся!!! – со злобой прошипел Егор. – Высунешься из двери, лица не показывай, а маши рукой и зови их сюда. Быстро!

До Петренко дошло, и он быстро разделся, стыдливо поглядывая на Лидочку.

Увидев голого приятеля, машущего с чердака, солдаты внизу захихикали, но продолжали разговаривать. Затем пожилой немец отрицательно замахал руками перед собой и медленно

пошёл в сторону ушедших солдат. А молодой докурил сигарету и тоже медленно стал подниматься по чердачной лестнице.

Смело зайдя в полумрак чердака, он тут же получил оглушительный удар по голове прикладом винтовки.

* * *

Уже за околицей, перебегая огородами, бойцы остановились.

Переведя дыхание, Егор обратился к девушке:

– У тебя в деревне родня есть?

– Да, – плача ответила Лидочка, – в конце деревни живёт тётка.

– Вот и хорошо, давай дуй к ней. Отсидись там. Дома пока не показывайся, – произнёс Егор, нежно смахивая слезу с её щеки. – Поняла, дурёха?

– А как же дедушка?

– Да нужен им древний старик. К тому же не успеешь ты с ним уйти. Давай, Лидочка, беги, беги! Схоронись на несколько дней.

И Егор начал подталкивать её рукой.

– А то они уже наверняка спохватились, и не дай бог попасться им на глаза.

Лидочка попрощалась с красноармейцами и знакомыми тропинками побежала к своей тетке. Бойцы, пригибаясь, тоже поспешили в ближайший лес.

А по дороге на восток нескончаемым потоком железной лавиной двигалась вражеская масса.

Глава 4

Некоторое время командир и два его солдата короткими перебежками перемещались по пересечённой местности параллельно дороге, по которой двигались войсковые части Вермахта. В одной из лесополос Исмагилов увидел палатки с большими красными крестами на брезенте. Он коснулся плеча командира и указал на еле видневшиеся палатки.

– Санбат. Мать их, – выругался Егор. Затем, немного поразмыслив, добавил:

– Ребята, а ведь можно и оружием разжиться, скажем, автоматами, а то с этими берданками и тремя патронами далеко не уйдёшь. Да, Микола?

– Да, товарищ командир, но я не умею стрелять из немецкого автомата.

– Ничего, научим, привыкайте пользоваться трофейным оружием. И ты, шайтан, не умеешь стрелять?

Исмагилов тоже отрицательно покачал головой.

– Я из нашего автомата ППШ-41 стрелял, товарищ лейтенант, думаю, разница небольшая.

– Небольшая, небольшая, Исмагилов, ладно, хватит об этом. Сейчас давайте обдумаем, как незаметно подойти к палаткам и разведать обстановку. Исмагилов, чуешь, куда я клоню? Мышкой подползи, всё разнюхай, и сразу назад. Только разведка.

Исмагилов поняливо кивнул и с ухмылкой на широком скуластом лице, пригнувшись, пошёл в сторону палаток. Через несколько минут он вернулся и почему-то шёпотом сообщил об увиденном.

– Товарищ лейтенант, в палатках, похоже, никого нет. А вот рядом много немцев в белых халатах. Какого звания и чина – не разберёшь, но, скорее всего, рядовые, так как заняты в основном хозяйственными работами.

– Понятно, готовятся к приёму раненых с передовой, – заключил Егор. – Как насчёт оружия?

– В основном винтовки.

И хитро улыбнувшись своей татарской улыбкой, Исмагилов добавил:

– Вы были правы, товарищ лейтенант. Они такие беспечные, ничего не боятся. Оружие хранят где попало.

– Голый немец тоже ничего не боялся, – сквозь зубы процедил Егор. – Ничего, у них это скоро пройдёт, забоятся как миленькие. Автоматы есть?

– Есть, товарищ лейтенант, есть.

– Сколько?

– Один видел.

– Господи, и только-то? Не густо. И где же он?

Но тут их разговор прервал Петренко.

– Товарищ лейтенант, да на шо нам они дались, эти автоматы? Не хай и с винтовками до наших доберёмся.

И немного помолчав, добавил:

– А то ведь шуму наделаем.

– Смотри в штаны не надей. Испугался, что ли, Петренко?

– Пугаются девки, товарищ лейтенант, а я осторожничаю.

– А я, что ли, не осторожничаю, сержант Петренко? – повысив голос, проговорил лейтенант. – А ну, глянь, сколько патронов у нас осталось? Три. По одному на винтовку. Вот и прикинь, как тут не осторожничать за ваши жизни с таким вот боезапасом, – тоже, в свою очередь, обиделся Егор.

– У меня два в обойме, – обнадеживающе произнёс рядовой Исмагилов.

А затем, чтобы примирить командира и Петренко, произнёс:

– Я знаю, как раздобыть автомат.

– Ну и как?

– Тот, что с автоматом, находится у дальней палатки...

– А, шайтан, догадываюсь, он там охраняет какой-то очень важный объект, – не дал договорить солдату Егор.

– Да, товарищ лейтенант, и, похоже, он там только один. К тому же эта палатка удалена от других и находится ближе к нам.

– А! Что теперь скажешь, Петренко?

– Шо, шо? Надо брать. Тем более что возле этой палатки, кроме часового, никого нет. Ведь так, Исмагилов?

– Именно так, товарищ сержант.

– Ну вот и молодцы. С вами приятно работать, – поставил точку в разговоре лейтенант Кузьмин.

Затем все трое скрытно приблизились к крайней палатке, где находился часовой с автоматом.

Палатка действительно далеко стояла от остальных, и на ней не было красных крестов. Вокруг неё ходил часовой с автоматом. Все трое притаились за кустами дикой малины, метрах в двадцати от палатки.

– Товарищ лейтенант, возможно, охранник не один, – зашептал Исмагилов, – потому что мне вспомнилось, что как будто он с кем-то переговаривался.

– А больше вам ничего не вспомнилось, красноармеец Исмагилов? А то подведёшь нас под монастырь своей разведкой, – еле слышно проговорил лейтенант.

– Нет, товарищ лейтенант, – обиженно произнёс Исмагилов.

– Ладно, будем действовать, несмотря ни на что. Штыком от винтовки тихо снимем часового и завладеем автоматом и гранатами. В палатку не соваться, возможно, и вправду там внутренняя охрана.

Егор на несколько секунд замолчал, затем еле слышно произнёс:

– Так, слушай мою команду. Как только часового повернётся к нам спиной и зайдёт за палатку, я выбегаю вперёд, а ты за мной, Петренко. Дальше я снимаю его штыком, а ты, Николай, стреляй в него из винтовки, если он нас заметит.

– Зачем стрелять, товарищ лейтенант? – зашептал Петренко. – Когда можно прикладом...

– Я сказал стрелять, потому что если он нас сразу заметит, то сделает из нас сито.

– Ясно, товарищ лейтенант.

Глянув на худенького Исмагилова, Егор продолжил:

– А ты, Равиль, остаёшься здесь для прикрытия. Возьми на прицел выход из палатки, если кто высунется, стреляй. Эх, жаль мало патронов. Ладно, будем действовать, как учили.

Но неожиданно их план нарушился. Егор и Петренко уже приготовились к рывку, как вдруг увидели, что к охраняемой палатке движется группа вооружённых людей, громко меж собой переговариваясь и смеясь.

Егор приложил ребро ладони к губам, что означало затаиться.

Немцы подошли ближе, и красноармейцы разглядели, что группа состоит из двух офицеров и двух солдат, которые несли термосы с пищей. Один из офицеров тихо произнёс пароль возле часового, а затем у палатки. И стал ожидать. Через минуту вышел охранник с автоматом, открыл пошире полог палатки и пригласил солдат с термосами.

Офицеры закурили, предложив и часовому, что было явным нарушением устава. Через пару минут из палатки вышли двое солдат, но уже с пустыми термосами.

И тут неожиданно часовой, который до этого разговаривал с офицерами, стал приближаться к месту, где притаились Егор с бойцами, по пути сняв автомат и расстёгивая брючный ремень.

Выйдя прямо на Петренко, немец встретился с ним взглядом.

На этот раз Николай проявил чудеса прыткости. Не дав охраннику опомниться, Петренко вскочил и молниеносно вырвал у него из рук автомат. Вскочил Егор со штыком в руках, и Исмагилов, направив свою винтовку на обескураженных немцев. Петренко также направил автомат в их сторону, машинально передёргивая затвор по-винтовочному.

Секунды были потеряны. Солдаты опомнились и, побросав термоса, рванули с места врассыпную.

Один из офицеров быстро достал из кобуры пистолет и попытался выстрелить в Петренко. Но первым раздался оглушительный выстрел Исмаилова из трёхлинейки, и офицер рухнул на землю.

Часовой, придя в себя, сорвался с места, чтобы выхватить автомат у Петренко, видя, что тот не умеет с ним обращаться. Николай, перестав возиться с затвором, ловко перехватил автомат за ствол и со всего маху ударил рукояткой в висок часовому, который рухнул как подкошенный.

На шум выстрела из палатки выскочили два охранника с обезумевшими глазами. Они не сразу поняли, откуда исходит угроза, и поэтому начали вертеть стволами автоматов в разные стороны, ища противника и готовясь тотчас открыть огонь.

Этим и воспользовался Егор. Он мгновенно подскочил ко второму офицеру, который стоял как вкопанный, видимо, всё ещё парализованный от непредвиденного случая. Егор ухватил его левой рукой за горло, а штык, зажатый в правой руке, приставил ему в бок, давя с небольшим усилием. Увидев это, один из охранников бросился на помощь офицеру, стараясь без оружия освободить своего командира. Исмаилов вновь шарахнул по смельчаку из своей винтовки последним патроном. Но тут же был изрешечён вторым охранником.

Офицер, к которому был приставлен штык, закричал, чтобы охранник не стрелял. Тот послушался его и, отскочив к палатке, стал нервно выжидать, направив автомат на красноармейцев.

Егор, не отпуская офицера, приказал Петренко подобрать раненого Исмаилова и уходить за ним. Офицер был небольшого роста, и Егору удавалось легко с ним справляться, таща за собой в лес.

Петренко бежал вслед за ним, неся на руках, как ребёнка, раненого Исмаилова. Автомат Николай не бросил, он болтался у него на руке ниже локтя. Охранник кинулся за убегающими в погоню, но Петренко в его сторону швырнул лимонку, и это мгновенно охладило пыл преследователя.

Глава 5

Всё дальше уходили красноармейцы в лес, постоянно помня, что наверняка за ними уже организована погоня. Идти было трудно, так как приходилось нести раненого Исмагилова, который тихо стонал, со всей силы сжав челюсти. Кроме того, надо было следить за пленным немцем со связанными руками, чтобы он не удрал.

Егор очень обрадовался, когда на их пути попала небольшая протока от реки. Её перешли вброд и километр шли по воде вдоль берега, затем резко свернули в сторону. Исмагилова несли попеременно, благо, что он был лёгким.

Пройдя около трёх километров, красноармейцы и пленный немец подошли к небольшому болотцу. Лейтенант Кузьмин всех остановил, чтобы немного отдохнуть.

В первую очередь осмотрели тяжелораненого. Исмагилов был поражён пулями в нескольких местах, в основном в ноги. Самым тяжёлым было ранение в верхнюю часть бедра левой ноги. К этому месту Петренко приложил свою белую кальсонную рубашку и перевязал верёвкой, чтобы меньше сочилась кровь.

Немец наблюдал за неумелыми действиями Петренко и качал головой.

– Что башкой крутишь? – зло произнёс Егор и врезал немцу по челюсти, да так, что очки слетели и упали далеко в стороне, ударившись о дерево. – Шлёпнуть бы тебя прямо здесь. Таскай теперь за собой этого борова.

Офицер не понимал, о чём говорит Егор, тем не менее смекнул, куда тот клонит, особенно когда Егор вытащил из его кобуры пистолет и передёрнул затвор. Немец начал испуганно лопотать по-своему и тыкать подбородком в свой погон, в центре которого располагался символ змеи, обвивающей жезл.

– А, гад! Чует, чья собака мясо съела. Гляди, ребята, боится, за свою поганую жизнь цепляется. А на кой тебя несло сюда? Сволочь! Свинья жирная.

И Егор ещё раз врезал немцу по челюсти.

– Товарищ лейтенант, не бейте его, – простонал Исмагилов и затем заплетающимся голосом проговорил: – Товарищ лейтенант, у меня в кармане гимнастёрки неотправленный «треугольник» моей маме. Пожалуйста, если доберётесь до наших, отошлите ей.

– Кончай придураться, Равиль, – громко произнёс Петренко. – Вот сам и передашь письмо своей маты, як доберёмся до своих.

Неожиданно немец как-то встрепенулся и начал отчаянно подбородком показывать на свой бок, поскольку руки у него были связаны, приговаривая при этом:

– Медикум, медикум.

И тут впервые Егор обратил внимание на увесистую сумку с белым крестом посредине, которая висела у немца на ремне через плечо. Егор стащил с офицера сумку и открыл её. Внутри находились медицинские препараты и инструменты. Он быстро развязал немцу руки и подтолкнул его к тяжелораненому бойцу, при этом ткнул его пистолетом, чтобы тот не вздумал бежать.

Немец прекрасно понял, что от него требуют, и начал активно осматривать раненого. И прежде чем приступить к делу, он стал озираться по сторонам. Егор понял, в чём дело, и быстро отыскал его очки.

Первым делом немец вытащил из чехла фляжку со спиртом и заставил Исмагилова отхлебнуть побольше, затем достал специфический медицинский инструмент и после немногих усилий извлёк пулю из верхней части бедра, а рану туго забинтовал. С не меньшим профессионализмом и кажущейся лёгкостью немец извлёк ещё одну пулю из правой ноги, остальные ранения были сквозные. Все раны он обработал специальным раствором и тоже туго забинтовал.

Всё это время Равиль содрогался от неимоверной боли, порой теряя сознание, но ничем не мешал немцу.

Петренко ходил рядом и всматривался в близлежащее пространство, охраняя всех от внезапного нападения.

Егор, сопереживая и морщась, наблюдал за безукоризненными и хладнокровными действиями немца, по-видимому хирурга. Немец постоянно шурил левый глаз, из-за того что левый окуляр очков был весь в трещинах. Он весь взмок, так как был толст и неуклюж. Когда немец закончил, Егор подошёл и поинтересовался у Исмагилова, как тот себя чувствует. Исмагилов, весь бледный и с испаринами на лбу и щеках, заплетающимся языком заверил своего командира, что чувствует себя гораздо лучше и готов идти дальше.

– Ладно тебе, Равиль. Ты ещё скажи, что готов бежать. Ничего, сейчас мы с сержантом соорудим нечто вроде носилок и двинемся дальше, главное – уйти от преследования.

Егор взял у немца фляжку со спиртом и отхлебнул несколько глотков. Утерев рукавом гимнастёрки рот и немного помедлив, он передал немцу фляжку и знаком предложил ему тоже выпить. Немец отхлебнул и сильно закашлялся.

– Как зовут? – произнёс Егор.

И видя, что немец внимательно смотрит на него, но при этом ничего не понимает, Егор напряг все свои познания в немецком языке и произнёс:

– Намен, намен.

Немец понял. Он утвердительно закивал и проговорил:

– Фриц. Фриц Вебер.

– Надо ж, Фриц, а я думал, у вас все Гансы, – усмехнулся Егор. – А что? Считаете же вы нас всех Иванами.

– Найн, найн Ганс. Ихь Фриц, – немец снял очки и продолжал ещё что-то лепетать в дружественном тоне.

– Да хоть пеньком тебя зовут, всё равно ты враг, – Егор почувствовал, что начал хмелеть от выпитого спирта, но злости к немецкому офицеру уже не испытывал. – Эх, что ж с тобой делать-то, вражина? Ладно, пока с нами будешь топать, а там посмотрим на твоё поведение. Отпустим или в расход пустим. – И Егор рассмеялся, глядя на захмелевшего и почему-то улыбающегося немца.

– Всё, ребята, немного отдохнули – и айда дальше.

Вот только, куда дальше, лейтенант Кузьмин пока толком так и не представлял. Тем не менее идти всё равно нужно было, потому что оставаться было смерти подобно. Вновь завязав немцу руки за спину и погрузив раненого Исмагилова на наспех сооруженные носилки, все двинулись по тропинке вдоль болота в поисках хоть какого-нибудь временного пристанища. До вечера ещё было далеко.

Пока шли, Петренко всё время оборачивался и постоянно прислушивался.

– Ну что тормозишь? И так трудно идти.

– Командир, у меня хороший слух, чую, за нами идут прямо по пятам, – не оборачиваясь, проговорил Николай.

– А что, прикажешь испариться или улететь? Нет, братец, это война, и ко всему нужно быть готовым, – спокойно проговорил лейтенант. – Ты видишь, мы специально идём по воде, чтоб собаки след не взяли. Глядишь, и повезёт, уйдём от погони.

Петренко начал тихо бурчать себе под нос:

– Говорил же я, не надо было связываться с этими клятыми автоматами...

– А ну-ка молчать, товарищ сержант, – перебил его лейтенант. – А то получишь сейчас у меня взыскание в полной мере. Разбрюзжался как старый дед. Ты что забыл, что приказ командира не обсуждается, а беспрекословно выполняется? Ещё услышу стенания – отправлю на все четыре стороны, обойдёмся без хлюпиков. Ясно?

- Так точно, товарищ лейтенант, больше не буду, – обиженно произнёс Николай.
- Вот вредный хохол, а. Всё ему не так, всё ему не эдак.
- Товарищ лейтенант, не ругайте Петренко, он хороший, – то ли проговорил, то ли простонал Исмагилов.
- А ты молчи, заступник, твоё дело сейчас выздоравливать.
- Вдруг все резко остановились. Впереди за ближайшими кустами послышался шорох, и через некоторое мгновение оттуда выскочила девушка – это была Лидочка.
- Тем не менее мужчины быстро опустили носилки и схватились за оружие.
- Как ты здесь очутилась? – изумлённо спросил Егор испуганную и взлохмаченную девушку.
- Остальные с не меньшим удивлением смотрели на Лидочку.
- Я сбежала с деревни. Меня тётка прогнала взащей и сказала, чтобы я шла в соседнюю деревню Малоросьяновку, а в нашу никогда не возвращалась, даже носа не показывала. Она меня держала всё время в старом заброшенном колодце, а днём прогнала. Вот я и бегу в Малоросьяновку, а тут вдруг увидела издали вас и обрадовалась...
- Хватит тараторить, – остановил Егор сбивчивый рассказ девушки. – Ты лучше помоги нам где-нибудь укрыться, – и Егор взглядом показал на раненого. – Ты ведь здесь все места знаешь.
- Лидочка хотела ответить Егору, но, увидев пленного немца, открыла рот и так стояла некоторое время. Затем резко повернулась к Егору и вновь быстро затараторила:
- Зачем вы идёте туда? – и она рукой указала в то место, откуда только что пришла.
- Все удивлённо и настороженно вновь уставились на неё.
- А что там?
- А то! Там немцы, – и Лидочка скосила глаза на пленного. – Когда они увидели меня у дороги, эти... ну... солдаты, они побежали за мной. Я скрылась в лесу, а они продолжали бежать и стрелять по мне. Ну я ловчее, и убежала по этой вот тропинке, а они, наверное, продолжают бежать за мной.
- И Лидочка, сбив дыхание, резко замолчала.
- Вечно ты куда-нибудь вляпываешься, – раздражённо произнёс Егор. – Ладно, будь пока с нами. Петренко, присмотри за раненым и пленным, а я схожу вперёд на разведку. Схоронитесь в тех кустах, пока я не приду.
- И лейтенант, взяв автомат, пригибаясь, пошёл по тропинке вперёд.
- Через некоторое время он вернулся.
- Никого впереди нет, – и Егор глянул на насупившуюся Лидочку. – Нужна ты им. Принцесса. Так, пуганула немного солдатня. Ты лучше скажи, куда ведёт эта тропинка вдоль болота?
- Я же говорю, к нам в деревню, а мне туда не велено возвращаться. Тётка...
- Лида, ты можешь покороче, без прикамбасов и тёток.
- Каких прикамбасов?
- Так, всё! – раздражённо произнёс Егор. – Ты что, и впрямь глупенькая? Отвечай коротко и ясно. Ясно?
- Да ясно, ясно, – снова насупилась Лидочка.
- Так что ж получается, что мы опять возвращаемся назад в ту же деревню, из которой утром ушли? – проговорил Егор, обращаясь скорее к себе. – Вот так номер. А, впрочем, что нам остаётся, не идти же назад, там всё-таки наши люди, как-то помогут. Главное – Исмагилова пристроить, а там как-нибудь сами справимся.
- Закончив свой монолог и весело глянув на Лидочку, Егор продолжил, уже обращаясь к ней:
- А тётку твою мы не боимся, да и тебя в обиду не дадим. Так что давай води нас к ней или к кому ещё, кого хорошо знаешь.

– Ладно, только не к тётке, уж больно она зло ругалась на меня и люто прогоняла.

– Ну вот и договорились, Лидия. Только веди нас окольными путями, и в деревню войдём, как стемнеет. Совсем забыл спросить, а немцы в деревне остались?

– Да. Так тётка сказала, а сама я не видела.

– Ладно, идём, там видно будет.

И все вновь продолжили движение в прежнем направлении, но уже с поправкой на указания Лидочки.

Глава 6

Тем временем поисковая группа, состоящая из двадцати хорошо вооружённых немецких солдат, руководимая двумя офицерами, выступила на поиски беглецов и пленённого старшего офицера медицинской службы майора Фрица Вебера.

Быстро собранная группа отправилась буквально через минут двадцать после произошедшего случая у палатки. Немцы пошли по предполагаемому маршруту, по которому должны были уходить беглецы, и не ошиблись. Две здоровые овчарки неуклонно и быстро вели их по следу до тех пор, пока путь не упёрся в протоку. Они громко заскулили и стали дёргаться в разные стороны, потеряв след. Тогда преследователи разделились на две подгруппы, одна из которых пошла вдоль правого берега, а вторая, перейдя вброд протоку, – вдоль левого. Собаки уныло бегали по берегу взад и вперёд, виновато махая хвостами, но след так и не могли взять. Тогда немцы потащили их за собой на поводках в надежде, что псы когда-нибудь да возьмут след. Так и случилось, но времени было упущено много, почти полтора часа. Тем не менее преследователи, ободрённые успехом, вновь возобновили погоню.

Лидочка повела всех к деревне вдоль болота по длинному пути, а не напрямую, памятуя о том, о чём просил её Егор, то есть безопасным и незаметным путём. Лейтенант вновь приказал всем идти по воде, несмотря на то что было очень трудно передвигаться, так как ноги постоянно вязли в болотной жиже. Это предусмотрительное действие было не напрасным, так как на определённом участке пути вновь на длительное время сбило с толку преследователей. Тем не менее встреча назревала и неумолимо должна была в скором времени состояться.

* * *

В деревне, из которой утром удалось ускользнуть трём красноармейцам, тоже было неспокойно. После того как на чердаке сарая были обнаружены два немецких солдата, один из которых был задушен, а второй в беспамятстве, – в селе начался кошмар.

С жителями деревни немцы не церемонились: кого пинками, кого штыками – согнали всех на центральную площадь. Всего набралось около двух сотен крестьян из тех, кто остался или не сумел уйти с беженцами. На площади под душераздирающие крики матерей отобрали пять плачущих девочек и объявили, что к вечеру всех повесят, если жители не выдадут девушку, которая была причастна к убийству германского солдата в её доме.

Туда же к девочкам пригнали и Лидочкиного деда. Никифор Ксенофонович, закатив глаза, еле стоял на дрожащих ногах. От непривычного бега и частых падений он прерывисто дышал, издавая надрывный, скрежещущий стон.

К толпе испуганных и обезумевших селян, сбившихся в кучу и окружённых солдатами, вышел высокий немецкий офицер в красиво подогнанной чёрной форме, в белой рубашке, с галстуком. Широко расставив ноги, он чванливо и надменно, с переполнявшим его то ли превосходством, то ли презрением, на ломаном русском языке объявил, что впредь от селян требуется беспрекословное подчинение германскому командованию и обеспечение славных немецких войск всем необходимым. А если кто воспротивится этому, то он и его семейство, а также ближайшие родственники будут немедленно уничтожены, чтобы большевистская зараза не поражала остальных нормальных людей, которые будут честно служить великой германской армии.

После небольшой паузы эсэсовец обвёл сбившихся в кучу людей своим победоносным взглядом и предложил желающим послужить полицией, предоставив им полное обеспечение.

Конечно же, нашлись и такие. Не долго раздумывая, они неуверенно и ещё стесняясь вышли на середину площади, готовые служить новым хозяевам. В заключение фашист произнёс всё на том же корявом русском языке:

– Я и мой командофаний отшень добрый. И мы позволяйт фам до вечер исайт бандитский дефушка, но только до вечер, – эсэсовец сделал паузу, затем с усмешкой произнёс: – В протифный слутчий ви вынуждайт нас делать маленький неприятность для фас.

И он скосил свой взгляд на всхлипывающих девочек и тяжело дышащего старика. Затем торжественно и громко закончил:

– Но это будет для фас хороший школ, чтоб любит и уважайт германский зольдат и офицер. Такоф шелезный немецкий порядок.

– Господин Штерн, – перебил эсэсовца подбежавший к нему солдат и вытянулся по струнке. – Вам срочно в штаб. Вызывает Берлин.

Штурмбанфюрер Генрих Штерн, не меняя положения головы, ответил своему адъютанту, что будет через несколько минут на телеграфе, и закончил свой монолог:

– У наш командофаний сефодня большой праздник. И ми не хотель омрачайт его. Так что все вы должен найти бандит до вечер.

И эсэсовец с презрительной усмешкой ещё раз оглядел скучившихся людей, как стадо баранов. Затем резко развернулся и уверенным шагом поспешил в штаб.

Глава 7

До деревни уже было рукой подать, когда лейтенант Кузьмин остановил уставших и измотанных людей на короткий отдых. Все сразу уселись на небольшом пригорке, выжимая промокшую одежду. Благо, что по-летнему было тепло.

– Будем ждать, как стемнеет, – сказал Егор. – До ночи осталось не так много. А пока отдыхайте.

Лидочка развязала небольшой платок, который всё время тащила в руках, и извлекла оттуда картошку в мундире, кусок сала и несколько ломтей ржаного хлеба. Это богатство она аккуратно разложила всё на том же платке и гостеприимно пригласила всех к «столу». Первым делом как могли покормили тяжелораненого Исмагилова, хотя немецкий врач категорически замахал головой, показывая знаками, что ему нужно давать только питьё. Но его никто не слушал. Затем пленный успокоился и сидел смирно, наклонив голову.

Когда все немного подкрепились, Егор взял небольшой ломтик хлеба с таким же ломтиком сала и подошёл к офицеру.

– На, жри, а то ещё похудеешь, – и он протянул ему еду.

Немец отрицательно замотал головой и продолжал тупо смотреть вниз.

– Надо же, какие мы гордые, не хочешь, как хочешь.

И Егор положил рядом с пленным кусочек хлеба с салом, затем попросил Петренко развязать ему руки.

– И в самом деле, как же он будет есть со связанными руками?

Немец растёр затёкшие руки и немного погодя съел всё, что ему дали. Затем, немного покопавшись в своей медицинской сумке, извлёк оттуда плитку шоколада и протянул Егору.

– Нет, – протяжно выговорил Егор. – Ты вон лучше девушке предложи, мне сейчас только сладкого и не хватало.

Немец протянул Лидочке шоколад, но она категорически отказалась, сказав, что от поганных супостатов ничего ей не нужно. Немец немного подумал и уже хотел положить плитку обратно в свою сумку, как вдруг резко повернулся и предложил её Исмагилову.

– А и то правда, нужно ему дать, он потерял много крови, – и Егор взял у немца шоколад и, подойдя к Исмагилову, вложил отломленный кусочек шоколадки в его ладонь.

– Я бы лучше ещё картошки съел, – произнёс Равиль.

– Ничего, хлопчик, потерпи, зайдём в деревню, будет тебе и бульба, и сало, – сказал молчавший до этого Петренко.

– Обязательно зайдём, но только как стемнеет. Устроим Исмагилова, пусть подлечится, а сами снова пойдём догонять наших, – грустно заключил Егор.

– Товарищ лейтенант, я не хочу оставаться в деревне, у меня хватит сил идти вместе с вами, вот только отлежусь ночь...

– Прекратить разговорчики, рядовой Исмагилов. Ни через ночь и даже ни через три дня ты не встанешь, а с носилками мы далеко не уйдём. Думаю, через неделю, ну, может, через две наши погонят немцев, и мы вернёмся и заберём тебя, Равиль, – и немного смягчившись, добавил: – А пока за тобой присмотрит эта красивая дивчина. Ведь правда, Лидочка, ты не бросишь в беде боевого красноармейца, такого красавца?

– А куда ж я его запрячу? Ведь в деревне немцы.

– Ничего, найдём, как укрыть, да и немцы долго в деревне не будут, наверняка уже ушли. Так! Всё! Хватит болтать и рядиться, – и Егор резко махнул рукой сверху вниз, чтобы прекратить этот поднадоевший ему спор.

– Ну ладно, раз уж так оставьте мне, товарищ лейтенант, хотя бы свой пистолет, – промолвил совсем обессиленный Исмагилов.

– Вот это другой разговор. Оставлю, оставлю, Равиль, только не вздумай...

Но лейтенант не успел договорить – буквально в полукилометре от них раздалась автоматная очередь и послышался надрывный лай собак. Все настороженно переглянулись.

– Неужели за нами, товарищ командир? – тихо произнёс Петренко.

Егор стоял в раздумье, затем тихо произнёс:

– Да, ребята, за нами. Ах, паразиты, всё же догнали, а мне показалось, что мы ушли.

– Товарищ лейтенант! А где наш немец? Этот... Фриц хренов, – с вытаращенными глазами произнёс Петренко.

И действительно – рядом немецкого офицера не было. Услышав автомат и пользуясь растерянностью тех, кто его пленил, он незаметно ускользнул с их поля зрения и рванул по кратчайшему пути в направлении своих.

– Ну гад! – с досадой произнёс Егор. – Вот и посади свинью за стол. Сволочь. Ладно, хрен с ним, что нам-то делать? – и Егор некоторое время находился в растерянности. Но он понимал, что надо срочно что-то предпринимать, чтобы всем спастись, иначе эта растерянность передастся остальным, и тогда сложнее будет управлять людьми.

– Так! Петренко, возьми автомат и прикрывай наш отход. Лида, берись за носилки, они не тяжёлые, и давай води нас подальше от деревни в какую-нибудь глушь, но так, чтобы до нас невозможно было добраться, особенно собакам унюхать, – быстро проговорил Егор. – Ты ведь здесь все места знаешь, Лидочка, спасай, родная!

– Да, это болото я хорошо знаю, мы с ребятами здесь клюкву собираем по осени.

И Лидочка, сразу осознав всю опасность и сложность обстановки, взялась за носилки и, пристально вглядываясь в знакомый рельеф местности, повела за собой красноармейцев.

Егор обратил внимание, что они идут какими-то зигзагами и даже начинают приближаться к преследователям.

– Лида, а ведь мы, кажется, идём прямо к немцам в лапы, давай отклонимся правее.

– Там трясина, слева тоже, – не говоря лишнего, объяснила девушка.

– Ладно, води.

И они очень осторожно продолжили движение, осознавая, что Лидочка ведёт их в самую топь болота. Неожиданно с того места, откуда они только что ушли несколько минут назад, послышался пронзительный лай собак. Девушка вздрогнула и выпустила из рук носилки. Исмагилов тихо застонал, при этом чувствовалось, каких усилий и страданий ему это стоило.

– Товарищ лейтенант, давайте я сменю дивчину, – зашептал Петренко.

– Нет. Выполняйте предыдущий приказ, – Егор тоже перешёл на шёпот. – А ты, Лидочка, успокойся и немного отдохни.

Но девушка не стала отдыхать, а вновь взялась за поручни носилок. Все снова двинулись вперёд. Вдруг Петренко подскочил к лейтенанту и, склонясь к его уху, зашептал:

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант. Там. Там слева в трясине наш немец торчит. Я бачу, а вин сидэ так тихэнько и на мэнэ смотреть, – совсем на украинский перешел Петренко. – Видать, блуданул по бездорожью и засел по самые уши.

– Да ну и хрен с ним. Сам сбежал. Не стрелять же его, – проговорил Егор, продолжая движение.

– Он сидит смирно и не орёт, держится за какую-то ветку, но, похоже, ему каюк, его засасывает, – продолжал Петренко, идя рядом с Егором.

– А с чего ему орать? Чует, что мы его можем пристрелить.

Неожиданно в отдалении за их спинами послышались автоматные выстрелы. Все остановились, опустив носилки. Лейтенант тихо и спокойно проговорил:

– Так, ребята, без паники. До нас они быстро не дойдут, потому что у них нет проводника такого, как Лида, а мы давайте дальше уходить.

И Егор взялся за носилки.

– А где Лидочка!? – Егор чуть не обомлел. – Где Лида!?

И он уставился на такого же недоумевающего Петренко.

– А я почём знаю? Небось тоже драпанула от страха, – раздражённо ответил Николай, вытаращив, в свою очередь, на командира глаза.

– Кажется, она побежала спасать того немца, – еле проговорил Исмагилов. – Она тоже видела, как он тонет, и, видимо, пожалела.

– Она что, совсем сдурела!? А ты что раньше молчал? – обозлился Егор на Исмагилова.

– Я не видел, как она ушла, это моё предположение...

– Предположение, предположение, – зло передразнивая, Егор схватил автомат у Петренко и осторожно пошёл в обратном направлении. – Немцы на хвосте, а они решили в благородство поиграть, идиоты паршивые.

Егор оглянулся и крикнул Николаю:

– Показывай, где этот боров торчит.

Петренко быстро вывел лейтенанта на то место, откуда был виден немец, застрявший в трясине. Но теперь рядом с ним находилась и Лидочка. Она лежала недалеко от тропинки и протягивала немцу сломленную ветку. Положение немца было критическим. Его засосало по самую грудь, и он продолжал медленно погружаться всё глубже. Немец двумя руками пытался ухватиться за ветку, но никак не мог. Увидев это, Егор ещё раз выругался, затем сломал ветку побольше и стал осторожно подходить к Лидочке и немцу, постепенно проваливаясь в болотную жижу. Он остановился рядом с Лидой и протянул немцу длинную ветку. Немец ухватился за неё, и Егор с Лидой начали тянуть. Провозившись с минуту, они вытянули его почти наполовину, когда вдруг почти рядом послышались немецкая речь и собачий лай.

– Николай, помогай Лидочке, а я задержу их. И не забудь связать ему руки.

И Егор, взяв автомат, поспешил навстречу преследователям.

Пройдя назад метров двадцать по тропинке, он укрылся за болотными кустами.

Преследователи не заставили себя долго ждать. Первым показался пёс. Он нелепо перемещался по болотной жиже, то утопая до шеи, то вновь поднимаясь во весь рост. Поисковая собака с большим энтузиазмом выполняла поставленную перед ней задачу. И как только обнаружила человека, рыча, рванулась на него по тропинке.

Егор с первого же выстрела уложил овчарку недалеко от себя. Немцы, которые намного отставали от собаки, с трудом передвигались по болоту. Услышав выстрел, они сразу залегли и открыли сокрушительный огонь по направлению выстрела. С кустарников сыпались ветки и листья, как будто сотня садовников стригла болотные кусты.

Когда оглушительная стрельба прекратилась, Егор приподнялся из болотной жижи и глянул вперёд. Он догадался, что немцы начали охват их расположения. Но, на их беду, везде была топь, и быстро окружить беглецов не было никакой возможности. Этим и воспользовался Егор. Не дав преследователям времени на рассредоточение, он дал две очереди в сторону шевелящихся кустов, одну длинную, вторую короткую. Преследователи начали кричать и отошли назад. По-видимому, кто-то был ранен или убит.

– То-то же, мать вашу, а то растрескались! – И Егор вновь поспешил к своим.

Все находились впереди на тропинке, тревожно ожидая его. Они сидели на корточках, кроме Исмагилова, который полулежал-полусидел на носилках в болотной жиже.

– Так, братцы, уходим. Они нас быстро не достанут, похоже, тоже тонут в болоте, – далее Егор обратился к Лидочке:

– Ну, Лида, теперь опять начинается твоя работа, скорее выводите нас отсюда, только, пожалуйста, без фортелей. Поняла?

– У меня батька утоп в этом болоте три года назад. Ну и мне стало жалко немца...

– Ладно, ладно, хватит об этом, пошли, – и Егор подтолкнул Лидочку вперёд. – Потом расскажешь.

Девушка шла впереди, указывая дорогу. За ней след в след шли все остальные: немец впереди носилок, Егор – сзади. Петренко, как и прежде, прикрывал отход.

Немец шёл прихрамывая, опустив голову. Форма его была пропитана вонючей болотной жижей, и на нём висели длинные листья каких-то растений. Волосы слиплись в грязевой ком, и он был похож на болотного лешего.

Минут через пять вновь раздались автоматные выстрелы, но уже в отдалении. Из этого Егор заключил, что преследователи остались на том же месте, прекратив бессмысленное преследование в силу того, что болото стало непроходимым, к тому же начало смеркаться.

Обозлённые тем, что упустили беглецов из-под самого носа, и к тому же потерявшие одного солдата в перестрелке, преследователи приняли решение прекратить погоню.

Глава 8

Уже почти стемнело, когда Лида успела вывести неимоверно уставших людей из самой топкой части болота. И теперь идти стало легче, болото закончилось. Оторвавшись от преследователей и запутав немцев в болоте, Лидочка выполнила возложенную на неё задачу. Она привела всех обратно к своей деревне.

Как только показались тёмные силуэты убогих деревенских домов, Егор остановил всех на небольшой отдых. Прежде всего дали напиток Исмагилову, которого била сильная дрожь. Ему хотели дать жаропонижающие порошки, но медицинская сумка утонула в болоте. Егор поблагодарил девушку, спасшую их от погони. Он не стал припоминать ей случай по спасению немца.

– Так, Лидочка, а теперь ты должна ещё раз нам помочь. Или спасти, как тебе будет угодно. Найди временный приют для тяжело раненного, где мы могли бы его с уверенностью оставить до нашего скорого возвращения, – и Егор, тяжело вздохнув, посмотрел на бредившего Исмагилова. – Видишь, в каком он состоянии.

– Хорошо, но только не к этой ведьме.

– Ладно, не пойдём к твоей тётке. Тогда веди к своим лучшим друзьям или подруге.

– Давайте, пожалуй, к Нюшке. Она одна осталась, к тому же у неё есть, где укрыться, что сам чёрт не найдёт. Да она и накормит. А что?

– Ну к Нюшке, так к Нюшке, – заключил Егор. – Веди.

Все встали и направились к Нюшке.

Пройти предстояло через всю деревню. Шли без опаски, так как уже стемнело, и только лунный свет отбрасывал от предметов призрачные тени. Ни в одном доме не светились окна, всё почти вымерло. И только в центральной части села, где располагалось здание бывшего сельсовета, было светло. Многочисленные окна ярко светились, а створки были приоткрыты, так как было душно и жарко, несмотря на надвигающуюся ночь. Крыльцо охраняли двое солдат с автоматами, а калитку – охранник в какой-то незнакомой форме с белой повязкой на рукаве.

Группе пришлось немного сместиться в сторону от сельсовета, чтобы не быть обнаруженными.

– Гуляют сволочи! – пробасил Петренко. – Как у себя дома.

– Пусть гуляют, возможно, на своих похоронах гуляют, – зло произнёс Егор.

Петренко внимательно взгляделся в еле различимое лицо командира и тревожно произнёс:

– Товарищ лейтенант, уж не думаете ли вы атаковать их?

– Я ещё не совсем сдурел и пока в своём уме. А смерть их достанет, обязательно достанет, не сегодня, так завтра, не завтра, так через несколько дней, пусть даже месяцев, но достанет. Земля будет гореть под ногами. Уж это я тебе точно гарантирую, сержант Петренко, – уверенно заключил лейтенант, неся носилки и двигаясь за Лидой.

Петренко замолчал и немного приотстал, озираясь вокруг.

Когда стали проходить через центральную площадь села, где обычно сельчане проводили различные сходки и встречали праздники, Лидочка стала как-то странно идти, приостанавливаясь и пристально всматриваясь в темноту.

А затем резко упала на колени и, закрыв лицо руками, громко разрыдалась. Все остолбенели, уже в который раз ощутив шок от очередной Лидочкиной выходки. Егор опустил носилки и быстро подбежал к рыдающей во весь голос девушке. Он припал на колени и обхватил её голову, прижав к своей груди.

– Лидочка, милая, что с тобой!? Прекрати, ты нас сейчас всех погубишь, – и Егор ещё сильнее вдавил её голову в свою грудь, ощущая тепло её губ.

Но Лида продолжала биться и рыдать в его сильных объятиях. Петренко стоял рядом, тоже ничего не понимая, направив автомат на немца.

– Лида, замолчи! Иначе я тебя сейчас придушу! – в самое ухо кричал ей Егор, затем резко ударил её по лицу.

Это возымело действие. Лидочка мгновенно смолкла и опустила голову. Егор, тяжело дыша, продолжал держать её за плечи. Петренко тревожно озирался по сторонам.

– Ну успокойся, успокойся, дурёха. Ну что на тебя опять нашло? Понимаю, сколько тебе пришлось пережить, но это война, милая. Понимаешь, война, и надо, стиснув зубы, привыкать, – с пробудившимися отцовскими чувствами продолжал успокаивать Лидочку Егор, обнимая и глядя её по спине.

Девушка молча выскользнула из его объятий и встала. Она взяла в свои руки голову Егора и развернула в сторону праздничной деревенской площади. Егор подчинился её действиям и стал всматриваться в ночную даль. Постепенно он различил силуэт виселицы в центре площади и нескольких людей, повешенных на ней.

Егор окаменел, продолжая стоять на коленях с вывернутой шеей. Затем он повернулся к Николаю и показал рукой в сторону виселицы.

– Вижу, командир, вижу, – дрожащим голосом произнёс Петренко.

– Кто там, Лидочка? – хрипло произнёс Егор.

– Там мои подруги, в том числе и Нюша, и мой дедушка Никифор Ксенофонович. Вы его видели, когда заходили к нам, – уже спокойным и каким-то убийственно серьёзным, не детским голосом произнесла Лидочка.

– Помним, помним, родная, – тихо и всё так же хрипло произнёс Егор.

Затем он медленно встал с колен и вновь обнял босую и растрёпанную девушку в оборванной одежде с отуманенным и обезумевшим взглядом, боясь за её психическое состояние.

– Так, милая, никому мы тебя теперь не отдадим, и даже тётке, хотя ты всю жизнь на неё должна молиться. Какой ценой она спасла тебя, не выдав никому. А сейчас ты должна успокоиться, и мы пойдём в эту, ну как её... Малоросьяновку. А там видно будет.

Он ещё продолжительное время стоял так, обнимая Лидочку, склонив голову на её плечо и ощущая неведомое ещё чувство от близости девушки.

– Товарищ лейтенант, её плач могли слышать, и сейчас могут прийти сюда. Нужно уходить, – нарушив молчание, проговорил Петренко.

– Что ты, Николай? О чём ты говоришь? Да для этих псов-живодёров женский вопль как бальзам на душу, как сладкое вино на пиру стервятников.

Отстранив Лидочку, Егор подошёл к Петренко и попросил побыть рядом с девушкой. Затем молча развязал пленному руки и повёл его к виселице. Немца трясло. Не оборачиваясь, шёл он к месту казни, приготовившись к собственной.

Подойдя к страшному месту, лейтенант Красной Армии Егор Кузьмин резко развернул фашиста и с остервенением плюнул ему в лицо. Затем так же резко развернул и ногой пнул в спину. Тот, выгнувшись, то ли пробежал, то ли пролетел несколько метров и упал в грязь. А Егор, не оборачиваясь и не говоря ни слова, вернулся к своим.

Бывший пленный встал и медленно побрёл в темноту, затем присел на какой-то предмет и обхватил голову руками.

– Товарищ лейтенант, зачем вы его отпустили? – недоверчиво произнёс Николай.

– А что, надо уподобиться этим зверям и убивать пленных и безоружных? Нет, Петренко, здесь у этой виселицы я поклянусь, что, если бог милует, и меня в скором времени не убьют, я... я... – голос его сорвался и перешёл в надрывное хрипение: – Я за каждую эту девочку и старика уничтожу по сотне этих гадов. Коля, ты можешь себе представить, что это за люди? Повесить ни в чём не повинных детей из-за одного ублюдка-насильника.

Все молча стояли, опустив головы, даже Исмагилов пришёл на некоторое время в сознание и то опускал, то поднимал голову, пытаясь что-то сказать и утешить командира. Лидочка подошла и, в свою очередь, обняла Егора.

– Товарищ командир, теперь, пожалуйста, вы успокойтесь.

– Да, да, Лида. Всё, я спокоен. Простите меня за эту слабость, – Егор нежно отстранил девушку. – Всё, всё. Надо собраться, ребята, – сказал Егор, скорее обращаясь к самому себе.

И как только все вновь были готовы продолжить путь, возле сельсовета началась настоящая вакханалия. Во двор вывалила подвыпившая компания и начала стрельбу вверх из ракетниц и стрелкового оружия, сопровождая этот фейерверк шумными криками на немецком языке.

– Бесятся, – зло проговорил Петренко.

Немцы, постреляв, зашли в помещение, кроме одного, который продолжал палить из пистолета, падая и снова поднимаясь. Затем он кое-как дошёл до штакетника, перевалился через него и начал рыгать. Двое охранников, стоявших у крыльца, подошли к нему и нехотя потащили в помещение.

– Так! Что-то я не могу понять, – медленно проговорил лейтенант Кузьмин и как-то со злой хитрецей посмотрел на Петренко. – Кто у кого в гостях? А, Микола?

Николай глянул на отсвечивающее в лунном свете лицо лейтенанта. Оно было каким-то неземным, с бесноватой искоркой в глазах, и Петренко даже испугался за своего командира в этот момент.

– Товарищ лейтенант, вы о чём? Какие гости? Нужно уходить.

– Как какие? Куда уходить? Ведь мы же хозяева здесь. Ты что, забыл, что здесь наш дом? А они там без хозяев, то есть без нас, без нашего угощения, – и Егор скосил глаза на три противопехотные гранаты РГД-33 под ремнём у сержанта.

Петренко смекнул, куда клонит командир.

– Так, Николай, вставляй запальники в гранаты и готовь связку, а ты, Лидочка, не вздумай уйти и присмотри за Равилем. Мы скоро вернёмся.

Егор резко развернулся и направился в сторону сельсовета, махая рукой, чтобы Петренко следовал за ним.

Николай быстро привёл гранаты в боевое состояние, затем немного постоял, глядя на недоумевающую Лидочку, и побежал догонять командира. Поравнявшись с лейтенантом, он склонил голову к его уху и проговорил:

– Товарищ лейтенант, я понял вашу задумку. Но как это лучше сделать? А давайте метнём их в открытое окно, и дело с концом.

– Что мы, пацаны дворовые? Нет, брат, – на ходу отвечал Егор. – Мы, русские люди, привыкли гостям в глаза смотреть, какими бы они ни были. Мой прапрадед, ну тот, про которого я тебе говорил, который барабанщиком у Суворова служил, учил наш военный род: «Врагу надо смотреть в глаза, да так, чтобы он забоялся, вот тогда будет полная победа». И пусть они знают, что воюют не с мифическими героями, а с живыми людьми.

До сельсовета оставалось метров сто.

– Ладно, хватит болтать. Давай связку и слушай внимательно, – сказал Егор, остановившись. – Охранников я сниму сам, ты же должен меня только прикрывать в случае неудачи либо когда я прикажу, и никакой самостоятельности. Понял?

– Так точно, товарищ лейтенант! Як не понять? А вдруг вы промахнётесь?

– Ты забыл, что у меня на груди значок?

– Вот дурья башка, забыл, что вы ворошиловский стрелок.

– Тогда вперёд, следуй за мной.

И они зашагали к калитке сельсовета, у которой стоял охранник в неизвестной форме, отличной от немецкой, с белой повязкой на рукаве.

– Товарищ лейтенант, смотрите, это местных уже одели в новую форму, – тихо проговорил Петренко. – Быстро порядок свой навели. Сволочи.

– Так, хватит разговаривать, сержант, мы уже близко. А насчёт порядка, так это мы быстро поправим своим русским беспорядком, родным бардаком.

Здание бывшей конторы сельсовета хорошо освещалось двумя уличными фонарями. Над крыльцом была прибита свежевystруганная доска, на которой была надпись на немецком языке: «Комендатура».

Когда Егору и Петренко оставалось совсем немного, чтобы дойти до калитки, у которой стоял полицейский, на крыльце вновь появился пьяный немец, который никак не мог уговориться, и начал опять палить из пистолета вверх.

– Давай, давай. Это нам только на руку, – тихо выговорил Егор.

Солдаты, охранявшие вход в комендатуру, чертыхаясь, принялись затаскивать разбуянившегося офицера в помещение. И когда они заволокли его обратно, Егор вышел из темноты и стал приближаться к калитке.

– Стой! Кто идёт? – громко выкрикнул полицейский и вскинул винтовку, прицелившись в подходившего человека.

– Командир Красной Армии! – так же громко проговорил Егор и вскинул пистолет.

Два выстрела раздались одновременно, как на дуэли. Полицейский промахнулся, Егор нет. Его пуля попала полицейскому в голову, и тот рухнул замертво. Пуля охранника, просвистев, мгновенно сорвала пилотку с головы Петренко, шедшего за Егором метрах в трёх от него.

– В помещение не входи, прикрывай меня отсюда.

И Егор быстро направился к крыльцу новоиспечённой комендатуры, держа в левой руке связку из трёх противопехотных гранат РГД-33, а в правой – трофейный пистолет, отнятый у пленного майора.

Охранники, которые затаскивали пьяного офицера, услышав выстрелы, впопыхах выскочили на крыльцо. Егор двумя выстрелами хладнокровно сразил обоих. Один солдат как подкошенный рухнул со ступенек крыльца, другой распластался на поручнях.

Не обращая на них внимания, Егор вошёл внутрь веранды. Подходя к двери, за которой слышался весёлый шум, он чуть не упал, споткнувшись о пьяного офицера, который как свинья лежал на полу в бесчувственном состоянии. Егор резко открыл дверь и вошёл в помещение.

В большой комнате, в которой ещё не так давно проводились сельские собрания, стояли два длинных стола, за которыми восседали немецкие офицеры и их новоиспечённые сатрапы, а попросту местные предатели, переметнувшиеся на сторону немцев. Фашисты, видимо, отмечали какой-то свой юбилей или праздник. На столах было много спиртного и еды.

На вошедшего Егора поначалу никто не обратил внимания, и все шумно продолжали застолье. Егор медленно поднял правую руку, в которой был зажат пистолет, и выстрелил в потолок.

Только после этого кто быстро, кто медленнее повернули головы в его сторону. Секунд пять длилось всеобщее молчание, но этого времени было достаточно, чтобы разглядеть, как менялся взгляд присутствующих – от пьяно-равнодушного до отрезвляюще-испуганного.

Егор тоже успел разглядеть многих. За столом сидели холёные и упитанные мужчины в белых рубашках с закатанными рукавами. На спинках стульев висели чёрные мундиры с молнией в петлице. У Егора в уме даже промелькнула нелепая мысль: «Железнодорожники, что ли?» Он тогда не мог знать, что это были эсэсовцы. Их батальон временно расквартировался в этой деревне. И в этот вечер всё руководство собралось отметить свой праздник, касающийся сугубо только их.

Были приглашены офицеры и из других частей, дислоцированных в этом селе, а также два руководителя сформированной бригады полицейских. В общей сложности в помещении находилось около сорока человек. Присутствующие никак не ожидали увидеть в дверях офицера

Красной Армии, пусть и в перепачканной форме. Они готовы были лицеизреть кого угодно, пусть даже папу римского или африканского крокодила, но только не советского офицера. Вот насколько нагло и по-хамски были они уверены в своей недосыгаемости, непобедимости и безнаказанности.

– Псы поганые, – сквозь зубы проговорил Егор. – Получите гостинец.

Он резко привёл в боевое состояние одну из гранат, поставив рукоятку на взрыв, и швырнул связку в центр стола, уставленного бутылками и закусками.

– Это вам за первую девочку. За Нюшу, – и, развернувшись, Егор быстро вышел из помещения комендатуры.

Но не успел он прикрыть дверь, как раздался оглушительный взрыв такой мощной силы, что дверь сорвало с петель и ударом о противоположную стену переломило пополам. Егора ударной волной вышвырнуло через всю веранду на улицу.

Очутившись на земле и ощутив сильную боль в ноге, Егор, тем не менее, оставался в сознании. Он попытался встать, но это ему не удалось. Всё его лицо было в крови, так как во время взрыва он ударился о поручень крыльца не только ногой, но и проехал лицом.

Со стоном Егор попытался поползти, но тут его обхватили крепкие руки Петренко, который пришёл на помощь своему командиру.

Сержант без особого усилия взвалил на себя лейтенанта и быстро стал уходить от несостоявшейся комендатуры, в помещении которой уже начинался пожар.

Из крайнего окна очень медленно, как червь, выползал полудымящийся человек в лохмотьях одежды. Упав на землю, он тут же скончался.

Петренко понимал, что уходить надо быстро, так как шум взрыва привлёк всеобщее внимание, и из ближних домов села слышались крики расквартированных там взбужденных немцев.

Тяжело дыша, Николай ускорил шаг. Егор, тащась за его спиной, как мог помогал передвигаться, но только одной ногой.

– А здорово вы их, товарищ лейтенант! Повеселили, – запинаясь, проговорил Петренко. – Меня осколками стекла тоже малёсенько посекло. Товарищ лейтенант, а я у тех немцев, которых вы срубили у крыльца, автоматы забрал. Да и гранаты прихватил.

– Молодец, Петренко, – сдерживая боль, произнёс Егор. – Запасливый ты у меня, хохол. Что б мы без тебя делали?

– Ну вот, опять издеваетесь, – всё так же на ходу, тяжело дыша, произнёс Петренко. – Всякий раз хохол да хохол.

– А кто ты? Японец, что ли? Эх, Микола, Микола, напрасно ты обижаешься. Что хохол, что москаль, что татарин – на все века мы теперь одна семья, связанные кровью, особенно сейчас.

– Товарищ лейтенант, я, кажется, заблудился, – остановившись, произнёс Николай. – Ничего не видно. Я не могу вспомнить, где мы оставили Исмагилова с этой, с Лидой.

– Спокойнее, спокойнее, найдём, – и Егор тоже начал пристально всматриваться в темноту.

Их беду разрешила Лидочка, которая издали увидела их очертания и сама побежала им навстречу.

– Ну вот и дивчина наша, а ты боялся.

– А я гляжу, вы не туда идёте, и сама побежала к вам, – радостно воскликнула Лидочка. Все молча оглянулись на пылающее здание сельсовета, вокруг которого уже суетились люди.

– Лида, как Исмагилов?

– Да вроде нормально, не стонет больше.

Девушка запрокинула правую руку Егора себе за шею и помогла Петренко довести лейтенанта до носилок Исмагилова. Там все присели отдохнуть.

В первую очередь Егор обследовал свою пострадавшую во время взрыва ногу. К его счастью, ничего страшного не произошло, просто был сильный ушиб.

– Слава богу, идти смогу, вот только чутко отдохну, – произнёс ободрённый Егор. – Правда, придётся похромать.

– Товарищ лейтенант, мне очень плохо, – неожиданно произнёс Исмагилов. – Я перестал чувствовать ноги.

Егор, хромя, подошёл к тяжелораненому бойцу и начал осторожно ощупывать его перебинтованные ноги.

– Что, совсем не чувствуешь? Наверное, задет нерв, – тихо произнёс Егор, поглаживая черноволосую голову Исмагилова. – Ну что сказать? Терпи, браток, терпи. Может, и доберёмся до своих, а там в санбат тебя определим.

К горящему зданию подъехала машина, и раздались автоматные выстрелы.

– Так, ребята, сваливаем отсюда. Снова уходим в сторону леса либо болота, – произнёс Егор и взялся за носилки Исмагилова. – Лида, веди нас снова, но так, чтобы не заплутать.

И все опять двинулись в темень ночи, уставшие, голодные и невероятно измотанные.

– Товарищ лейтенант, – на ходу произнёс Петренко. – Может, где-нибудь остановимся и переночуем в какой-нибудь хате, а то ведь совсем уже сил нет.

Егор долго молчал, затем произнёс:

– Лида, что скажешь на это? Есть у тебя надёжная хата, где можно подхарчиться и переночевать?

– А пойдёте в наш дом, там я вам всё найду.

– Это откуда мы с утра тикали!? Э нет, что-то не хотца, – проговорил Петренко.

– А что нам остаётся в нашем-то положении? Лида там всё знает, только надо разведать, нет ли там немцев.

И Егор обратился к девушке:

– Давай, Лида, вперёд.

Лида кивнула и изменила направление движения.

Глава 9

Как было сказано ранее, дом, где жили Лида и её дед, находился на самом конце длинного села, растянувшегося километра на три вдоль дороги. В кромешной тьме где-то через полчаса все безошибочно прибыли к месту.

– Сержант, дуй на разведку.

– Что вы, не надо. Я сама крадучись всё высмотрю. Ведь я лучше знаю наш двор, – тихо произнесла девушка, глянув на Егора.

– Ну хорошо, только побереги себя. Если что, беги к нам или кричи, мы поможем, – сказал Егор и нежно погладил девушку по плечу.

Лидочка мгновенно упорхнула в темноту. Не прошло и двух минут, как она вернулась.

– Никого! – произнесла она громко.

– Тихо ты, не забывайся и впредь разговаривай вполголоса. Это касается всех, – строго произнёс лейтенант. – Это хорошо, что немцев нет, однако будем начеку. Отдыхать придётся попеременно. Всё, устраивай нас, Лида.

Лида хотела завести всех в дом, но Егор не согласился, так как в этом была определённая опасность. И, поскольку ночь была тёплой, все разместились во дворе у сеновала, притащив прошлогоднее сено для ночлега.

Перед тем как попеременно отдохнуть от безумно тяжёлого дня, вся дружная компания сытно подкрепилась тем, что принесла Лидочка из только ей известных закровов родительского дома.

Егор решил, что сначала он должен поспать, чтобы сменить Петренко в самые тяжёлые предутренние часы. На данный момент с вооружением у них было неплохо, так как Петренко прихватил два автомата с полными магазинами патронов и две гранаты у убитых охранников возле сельсовета.

Егор очень сильно устал, но уснуть сразу не получилось. В голову лезли обрывочные мысли от пережитого дня. Он долго ворочался, а затем и вовсе отказался от сна, предложив поспать сначала Николаю. А сам уселся на старое ведро и, тяжело вздохнув, устремил свой взгляд на звёздное небо. Петренко, в отличие от командира, уснул сразу. По всему было видно, как сон свинцовой массой навалился и завладел измученным человеком. Егор подложил ему под голову старую фуфайку и, хромая, перешёл поближе к калитке, откуда лучше наблюдалась улица.

Ночь на редкость была тёплой. Егору вспомнилось детство вот в такой же, только омской деревушке. Этот запах прошлогоднего прелого сена, удивительно схожий с тем запахом на сеновале, когда он с соседскими мальчишками просыпался среди ночи, чтобы пойти на утреннюю рыбалку.

Вдруг мысли Егора прервал какой-то шорох. Лейтенант резко встал. Сжав ствол автомата, он начал пристально вглядываться в то место, откуда исходил шорох.

– Фу-ты! Это ты, Лида? Чего не спишь? Учти, встанем до рассвета, к утру они наверняка очухаются и снова организуют погоню. Сволочи, никак не отстанут, прилепились как банный лист, – и Егор чертыхнулся.

– Ой, у вас всё лицо в запёкшейся крови, – и Лидочка из-за спины достала смоченный в воде платок и начала нежно оттирать лицо лейтенанта. Егор резко отклонился, но тут же перестал сопротивляться под завораживающими прикосновениями подрагивающих и нежных пальчиков девушки.

– Не надо, Лида, – очень тихо проговорил Егор, ощущая её дыхание. – Ведь идёт вой...

Он не договорил, потому что Лидочка обняла его за голову и, прижавшись грудью, поцеловала в распухшие губы.

– Егорушка, ну и пусть. Ну и пусть. Всё равно завтра мы все умрём. Ну и пусть, – проникновенно шептала Лидочка, обнимая и целуя обалдевшего и почти загипнотизированного Егора.

Лёгкий ветерок проносился по двору, поднимая в воздух большое количество мелких соломинок прошлогоднего сена, после чего долго стоял аромат всевозможных запахов, отражающих в своей совокупности извечную хлебную сущность русской деревни, – а вспыхнувшая любовь продолжалась...

Глава 10

Пленный немец только к утру, когда начало светать, объявился в воинской части, которая расположилась в данном поселении. Всю короткую ночь он проспал прямо на деревенской улице у большого дерева, так как тоже был обессилен и измотан.

Его появление не вызвало большого удивления и радости у командования части. Ночной взрыв настолько потряс остатки командования дислоцированных частей, что всем было не до вырвавшегося из плена старшего офицера.

Кроме того, к утру в деревню притащилась и группа преследования, которая всю ночь провела на болоте, чтобы не утонуть. Все были измотаны и обозлены, так как принесли с собой одного убитого и одного раненого солдата, которых подстрелил Егор во время короткого боя на болоте.

Тем не менее через некоторое время пленным занялись, и то лишь с той целью, чтобы пролить хоть какой-нибудь свет на происшедшее обстоятельство с взрывом комендатуры.

Сложив все сведения от потерпевшего и группы преследования, немецкое командование пришло к однозначному выводу, что взрыв – дело рук банды преследуемых.

И сразу же была организована новая группа по поимке беглецов. Она состояла из других военнослужащих, большей частью эсэсовцев. В эту группу включили и бывшего пленного немца, не дав ему передохнуть и переодеться.

Из сообщения первой группы было известно почти всё о преследуемых, вплоть до того, что один был сильно ранен, и что с ними была деревенская девушка.

Наспех сколоченная группа эсэсовцев сразу приступила к прочёсыванию деревни. Они бесцеремонно врываются в дома ещё спящих жителей и выволакивали их на улицу, а в доме и во дворе производили настоящий погром в поисках упрятанных беглецов.

* * *

Раннее июльское солнце уже в пятом часу утра поднялось над горизонтом и своими тёплыми лучами стало пробуждать жизнь в лесах и полях, окружающих деревню. Вокруг всё ожило, зашевелилось и наполнилось птичьим гомоном.

Петренко, сменивший ночью Егора, к утренней зорьке снова задремал, опершись головой на левую ладонь, а правой сжимая рукоять автомата.

Егор спал на сене прямо во дворе. Рядом с ним лежала Лидочка. Она не спала. Зажав в пальцах соломинку, она нежно водила ею по шее Егора и тихо приговаривала, любуясь его молодым красивым лицом:

– Егорушка. Дружок мой милый, неужели мы расстанемся?

Вдруг она почувствовала неладное. Лидочка тихо привстала и подошла к калитке. В деревне уже рассвело. Присмотревшись, она увидела немцев, которые сутились во дворе недалеко от её дома.

Стремглав она подскочила к Егору и начала его трясти. Со сна он не сразу сообразил, в чём дело, тем не менее быстро надел гимнастёрку и побежал к калитке, куда его увлекала Лида.

Егор понял, что они непоправимо проспали время ухода из деревни. Чертыхнувшись, он подскочил к Петренко и стал трясти его, зло приговаривая:

– Да за такое под трибунал отдавать нужно. Это ж надо, спать на посту.

Николай проснулся и резко вскочил, при этом нечаянно нажав на спусковой крючок автомата. Раздался предательский выстрел, многократно усиленный предутренним эхом.

– Всё, это конец! – тихо произнёс Егор, покачивая головой и тупо глядя на остолбеневшего и ещё не совсем проснувшегося Петренко, затем, выйдя из прострации, резко выкрикнул:

– Быстро берём Исмагилова и уходим через дворы в сторону леса.

Николай наконец-то понял, в чём дело, и начал быстро бегать по двору, разыскивая Исмагилова.

– Равиль, Равиль! Да куда же ты сховался, чёрт татарский?

Егор, пригнувшись, подошёл к калитке и увидел, как немцы бегут к их двору, по пути разделившись на две группы, чтобы окружить дом.

– Вот это влипли. Мать твою... – и Егор тяжело застонал.

– Командир, командир! Я не могу найти Исмагилова, – чуть не плача произнёс Петренко. – Не знаю, куда он делся.

– Ты вообще хоть что-нибудь можешь? – от безвыходности зло выкрикнул Егор. – Готовься к бою!

Тем временем немцы уже окружили двор. Видя это, Егор приказал Петренко занять оборону с противоположной стороны двора, а сам преградил дорогу подступающим немцам со стороны входа.

Укрывшись за широким столбом тесовых ворот, Егор первым открыл огонь по группе захвата. Немцы прекратили наступление и залегли, в свою очередь, тоже начав стрелять. У лейтенанта с сержантом хоть и было два автомата, тем не менее патронов было мало, всего по одному рожку. Нужно было экономить и вести огонь прицельно.

Нападающие определили, откуда вёлся огонь, и начали остервенело бить по столбу, за которым укрывался Егор. Щепки летели во все стороны, как будто несколько лесорубов метелили столб топорами. Несмотря на усиленную стрельбу и визг пуль, Егор отчётливо расслышал, что бой ведёт и Петренко.

Вторая группа захвата окончательно блокировала выход из двора в сторону леса.

Видя, что Егор не отвечает, немцы прекратили огонь, поднялись с мест и кучкой бросились к воротам. Егор прямо в эту кучку бросил гранату. Нападающих разметало кого куда, остальные вынуждены были отступить.

Воспользовавшись этим, лейтенант, пригибаясь, метнулся к сержанту. Петренко тоже уложил несколько наступавших, но сам был ранен в ногу возле паха. Тут же рядом с ним суежилась и Лидочка.

Немцы залегли на открытом поле, и их хорошо можно было обстреливать, чем и воспользовался Егор. Он выбрал удобную позицию и прицельно стал уничтожать залёгшего противника. Ведь не зря же ещё в пехотном училище он был лучшим стрелком и всегда занимал первые места в соревнованиях по стрельбе.

Не выдержав этого избиения младенцев, немцы ударились в бегство, как и во вчерашнем случае на поле боя. Вдобавок им вслед Егор метнул последнюю гранату, подкосив ещё двух. Путь к отходу на некоторое время был свободен, и срочно нужно было этим воспользоваться. Егор подбежал к Петренко.

– Идти можешь?

– Могу, командир, – со стоном выдавил Николай.

– Тогда пошли. А где Исмагилов? – Егор вспомнил про Равиля. – Ё-моё, да где же он?

Егор бросился назад к калитке, ища и зовя Исмагилова.

Исмагилов первым окликнул лейтенанта. Он был на чердаке того злосчастного сарая, где Петренко придушил насильника. На руках по лестнице он ещё ночью забрался туда, прихватив третий автомат, чтобы не быть обузой для своих товарищей.

– Товарищ лейтенант, я здесь. Уходите, я вас прикрою.

– А ну-ка слазь быстро, ишь, чего удумал, чёрт татарский. Я тебя дотащу, ты лёгкий.

– Товарищ лейтенант, у меня гангрена на ногах, ведь до войны я учился на фельдшера и понимаю в этом. Не теряйте времени, – и уже громко закричал: – Уходите, они близко!

После чего дал очередь по наступавшим немцам.

– Егор Иванович, передайте это маме и моей Зульфие, если вырветесь, – и Исмагилов бросил к ногам лейтенанта неотправленное письмо-треугольник на Родину.

– Прощай, Равиль. Прощай, шайтанушка, – дрогнувшим голосом произнёс Егор и положил «треугольник» в карман гимнастёрки, затем быстро побежал к Петренко и Лидочке, услышав за спиной перемежающуюся стрельбу Исмагилова и атакующих немцев.

Путь в ближайший лес был свободен, и все трое поспешили туда. Теперь приходилось помогать передвигаться Петренко, взяв его под руки. По пути Егор прихватил у убитого немца магазин с патронами к своему автомату. Но самое главное – они снова уходили от погони.

Они уже были в спасительном лесу, когда солдаты стащили с чердака бездыханное тело рядового красноармейца, изрешечённого пулями, и представили его на опознание бывшему пленному майору. Тот сразу его узнал.

Упустив основных беглецов, преследователи перегруппировались и вновь продолжили погоню, но уже прибегнув к помощи мотоциклов и розыскной овчарки.

Глава 11

В лесу Егор, Николай и Лида немного отдохнули, отдышавшись и полежав немного на прямой траве. После чего лейтенант, как смог, обработал и обмотал рану на ноге Петренко, воспользовавшись Лидиным платком.

– Если бы не Равиль, мы б до леса не дотянули, – тихо произнёс Егор.

– А почему он не пошёл с нами? – спросил Петренко.

– Потому, – и Егор замолк на некоторое время, затем глянул на вопросительно взирающих на него Николая и Лиду и отрывисто произнёс: – Потому что нас спасал. А потом, куда бы он пошёл? У него гангрена началась на простреленных ногах. Ладно, всё, хватит. И не смотрите на меня так, он сам принял это мужественное решение. Это война, и потом, как командир, я не собираюсь перед вами отчитываться за свои действия.

– Да вы не кипятитесь, товарищ лейтенант, никто и не осуждает ваши действия и приказы. Не ровен час, и нам придётся, как Равилю, пожертвовать собою. Мы давно уже не диты и прекрасно это понимаем, товарищ лейтенант, – заключил Петренко.

Ещё некоторое время все сидели молча, затем Егор обратился к Лидочке:

– Лидочка, – Егор немного смутился от того, что ласково произнёс её имя, затем уже твёрдо сказал: – Лида, веди нас в свою Малоросьяновку или ещё куда-нибудь, лишь бы подальше от этого проклятого места.

Лида подошла к Егору, обняла его и положила свою голову на его широкую грудь. Егору стало неловко, но он не стал отстранять её. Петренко отвёл от них лукавый взгляд со слегка уловимой усмешкой.

– Теперь хоть на край света с тобой, Егорушка, – нежно проговорила Лидочка и начала собирать свой небольшой скарб, разложенный на земле.

Николай уже не мог идти, твёрдо опираясь на раненую ногу, как до этого, уходя от преследования. Теперь рана давала о себе знать при каждом надавливании на ногу, отдаваясь острой болью в голову. В результате Егору и Лидочке пришлось всё время вести Николая под руки.

Так, обнявшись, медленно, но неуклонно шли измученные и смертельно уставшие люди на восток, к своим – русский Егор Кузьмин, украинец Николай Петренко и белорусская девушка Лидочка Клокевич. Да и, конечно же, рядом с ними витал дух Равиля Исмаилова, сопровождая их. И ведь все понимали, что были обречены, но никто из них не был сломлен и не собирался сдаваться на этом тяжёлом пути. И не было тогда на всей Земле силы, которая могла бы разъединить этих людей, кроме смерти.

Стоял жаркий июль сорок первого. И если бы в это время взлететь на высоту птичьего полёта и ещё выше, то можно было увидеть, как на огромной территории с запада на восток брели люди. Шли оставшиеся в живых красноармейцы. Разбитые, измождённые, раненые, голодные, где по одному, где по трое, где по несколько десятков. Шли люди, составлявшие некогда оборонительный костяк приграничных частей непобедимой Красной Армии, так нелепо разорванной в клочья германской военной машиной. Эти люди, оставшиеся в живых, а не павшие вместе со своими товарищами, задавались основным вопросом: «Как же их могли так обмануть, бросить, предать?» Ведь громче всех перед войной кричали средства массовой информации, газеты, фильмы того времени, высокопоставленные чинуши всех мастей, что нет на Земле армии сильнее и могущественнее Красной. Вся эта ложь, цинизм и шапкозакидательство ярко высветились в первые месяцы войны. И дай бог, если этот кровавый урок станет немеркнущим нагляданием на будущие века, чтобы никогда не повторился тот чудовищный ужас, который случился с нашей Армией и народом в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Небольшой лес закончился, и троица вышла на поле, поросшее рожью, которая так разрослась, что в ней вполне можно было укрыться от преследования. Однако делать этого было нельзя, так как наверняка по их следу была организована погоня с собаками. Вновь нужно было уходить либо к реке, либо к болоту.

– Лидочка, что за этим полем? – спросил Егор.

– Такой же небольшой лесок, а левее начинается болото.

– Вот и пойдём левее, возможно, опять через болото. Лида, ты должна снова нас провести, но теперь уже в сторону Малоросьяновки.

– Я те места плохо знаю, но попробую.

– Попробуй, Лидочка, попробуй, теперь только в тебе наше спасение, – и Егор нежно поднял прядь её волос со лба.

Дорога к болоту была длинной, несмотря на кажущуюся близость водной глади, сверкающей под лучами солнца. К тому же идти приходилось медленно, в силу известных обстоятельств.

Их заметили, когда они подходили к небольшому берёзовому околку, от которого до болота было совсем недалеко. В бинокль было видно какое-то движение, но сколько там людей, разглядеть оказалось трудно. Тем не менее вся моторизованная группа на трёх мотоциклах сразу ринулась в погоню через поле.

Заметили немцев и наши по тарахтенью мотоциклов. Они быстро буквально доковыляли до берёзового околка. Отдышавшись, Егор проговорил:

– Так! Слушайте мой приказ. Сержант Петренко и ты, Лидочка, как можно быстрее уходите к болоту и там постарайтесь укрыться, как в прошлый раз, а я задержу их на время, чтобы вы успели добраться. Всё, выполняйте.

Но ни Петренко, ни Лидочка не спешили уходить. Они продолжали стоять, отрешённо и грустно глядя на Егора.

– Никуда я не пойду, я остаюсь с вами до конца, – но Егор не дал договорить Николаю, крича в ответ:

– А зачем ты мне здесь нужен раненый и без оружия?! Красноармеец Петренко, немедленно выполняйте приказ, а не то... – И Егор в пылу злости наставил на него автомат.

Но тут, в свою очередь, к Егору бросилась Лидочка. Обняв за шею, она расплакалась, невесть что приговаривая. Егор с силой отстранил девушку и уже спокойно, но твёрдо проговорил:

– Да уходите же, наконец, пока ещё не поздно. Ну что толку с того, что все мы погибнем? А я, возможно, и догоню вас. Ну, Николай, будь мужчиной, – и Егор умоляюще произнёс: – Спаси Лидочку.

Петренко сграбастал плачущую девушку и, позабыв про больную ногу, стал уходить в сторону болота. Егор проводил их взглядом и занял удобную позицию для обороны за большой берёзой.

Немцы ещё были далеко, потому что их быстрому передвижению мешала пахотная земля ржаного поля. Со стороны поля за густой листвой берёз они не могли видеть уходящих Николая и Лидочку. Зато Егор, приподнявшись, хорошо видел, как постоянно падал Николай, но с помощью Лидочки снова вставал и, опершись на её хрупкие плечики, продолжал свой путь.

– Эх, – с сожалением и глубоким переживанием простонал Егор. – Неужели не дойдут? Давайте, ребята, давайте.

Видимо, от сильной боли Петренко распластался на земле, но Лидочка каким-то невероятным усилием приподняла этого здоровяка, и они снова заковыляли к спасительному болоту. И откуда только бралась поистине фантастическая сила у этой небольшой девушки – было просто непостижимо.

У Егора в горле встал ком, а на глазах навернулись слёзы. Возможно, в последний раз он видел своих боевых товарищей, ставших такими родными и близкими всего за одни сутки войны.

– Живите хоть вы, ребята. Живите, – тихо проговорил Егор.

Немцы уже были близко, почти на расстоянии выстрела. Лейтенант прицелился, подпустив их поближе, и дал очередь из автомата по ближнему мотоциклисту. Тот схватился руками за грудь и выпустил руль. Переднее колесо резко вывернулось, попав в пахотную борозду, в результате чего мотоцикл на всем ходу опрокинулся вперёд, прихлопнув собой сидящих в нём немцев.

Фашисты со стонами начали расползаться, как мыши, в разные стороны. Остальные мотоциклы остановились. С них быстро соскочили солдаты и открыли шквальный огонь в сторону стрелявшего противника.

Егор быстро сменил позицию и продолжал бить по фашистам уже короткими очередями. Немцы также залегли во ржи и уже понапрасну не высывались, отвечая короткими очередями и готовясь к захвату.

Так в перестрелке прошло несколько минут. В одно из небольших затиший Егор быстро взглянул в сторону болота. На всём протяжении от берёзового околка до болота уже никого не было.

Он глянул, сколько у него осталось патронов, и хотел вновь сменить позицию, как неожиданно сбоку на него напал здоровенный пёс. Овчарка с остервенением ухватила Егора за руку, в которой он держал автомат, и, выбрасывая из пасти пену, начала перемещаться к локтевому суставу.

Егор закричал от сильной боли и выронил автомат. Правой рукой он ухватил пса за пасть и попытался высвободить руку, но пёс держал его железной хваткой.

Во время борьбы с собакой Егор ощутил сильный удар в живот и потерял сознание. Но в бессознательном состоянии он находился недолго, так как очнулся от другой боли, в груди. Открыв глаза, он увидел, как овчарка, выслуживаясь перед хозяином, раздирает ему грудь, кусая куда попало. Егор пытался сопротивляться, но искусанные руки уже не слушались его.

Рядом стояли преследователи и молча наблюдали эту жуткую картину. Один эсэсовец подошёл совсем близко к собаке и спецкомандами стал науськивать её для ещё большего остервенения.

Егор, отбиваясь от буквально взбесившегося пса, который уже давился окровавленными лоскутами одежды, заметил нож за голенищем сапога эсэсовца. Из последних сил он выхватил его.

Зажав нож в правой руке, которая, к счастью, ещё слушалась, Егор распорол псу брюхо от самого низа до шеи. Пёс как ошпаренный отскочил от Егора, жалобно скуля и таща за собой кишки.

От такой неожиданности, а скорее от испуга эсэсовец отскочил от Егора и выхватил пистолет. Но воспользоваться он им не успел, так как к нему подбежал другой эсэсовец рангом постарше и что-то прокричал, после чего тот успокоился и спрятал пистолет.

Но Егору от этого не стало легче, его по приказу всё того же старшего команды перетащили на бугорок в поле, где уже стояли заведённые мотоциклы, и начали зверски избивать ногами куда придётся.

За огромным болотным кустом по горло в болотной жиже стояли Николай и Лидочка, приходя в себя от смертельно утомительного перехода.

У Николая было острое зрение, и он отчётливо видел, как вдалеке у берёзового околка немцы избивали Егора. Николай левой рукой зажимал рану на ноге, а правой крепко прижимал к своей груди голову Лидочки, не давая ей возможности повернуться. При этом по его

щекам катились крупные мужские слёзы и капали на Лидочкину косу, а Лидочка всхлипывала и приговаривала: «Егорушка, Егорушка, ну когда же ты нас догонишь?»

Наконец, отведя свою злость, эсэсовцы прекратили избиение и, тяжело дыша, потащили Егора к мотоциклу. Старший команды подозвал Фрица Вебера и осведомился у него, тот ли это человек, который взял его в плен. Майор закивал и подтвердил, что это он. Затем старший эсэсовец спросил его:

– Так сколько же всего их было, трое или двое?

– Трое, – мрачно произнес майор.

Старший эсэсовец ещё долго молчал, докуривая сигарету, затем тихо сказал своему соседу:

– Всё, Ганс, приказ мы выполнили. Этого бандита, как и обещали, доставим живым или мёртвым. Что касается третьего, то я не собираюсь таскаться по этим вонючим болотам в поисках мифического русского, кладя своих людей. Дай бог отчитаться за убитых.

Ганс согласился, кивнув головой.

– Да и пса у нас уже нет, а без него мы как без рук.

– Да, не повезло Рексу, хорошая была псина, – закончив курить, проговорил Ганс, затем он глянул на избитого Егора и продолжил: – Даже не верится, что этот ублюдок отправил к праотцам почти всё наше командование части. Даже самого штурмбанфюрера Штерна, которому фюрер лично вручал Железный крест за умиротворение французских и польских деревень.

– А что, его не спасли?

– Как спасти, если ему башку снесло? Такое впечатление, что там разорвался снаряд от гаубицы.

– Эх, а ведь я их предупреждал, дорогой Ганс. Усильте охрану. В ответ они смеялись: «От кого усилить, от стариков, которых почти всех перевешали?» Они думали, будет как во Франции: повесят несколько бандитов, и все вокруг станут шёлковыми, – и старший команды, докурив сигарету, швырнул её в сторону Рекса, который жалобно скулил, глядя на своих хозяев. – Ганс, пристрели пса, чтоб не мучился.

– Ладно, Пауль. Конечно же, ты прав, это не цветущая Франция, и какого чёрта нас сюда занесло? – зло пробурчал Ганс.

Старший эсэсовец приказал забросить Егора в коляску мотоцикла и везти в штаб части.

Когда почти бездыханного лейтенанта за руки и за ноги забрасывали в коляску мотоцикла, он открыл глаза. Всё было в перевёрнутом виде, однако он узнал бывшего пленного немца, который стоял в стороне, опустив голову. Егор что-то проговорил распухшими губами сквозь кровавую пену. Майор тогда не понял смысл этих слов, но запомнил, а впоследствии перевёл. Это было русское слово «спасибо».

Кроме того, майор заметил, как из его разодранной в клочья гимнастёрки что-то выпало. Когда все отошли к мотоциклам и приготовились к отъезду, он подобрал потерянное. Это было удостоверение личности Егора и письмо-треугольник на родину от Исмагилова.

Глава 12

Кое-как выбравшись из болота, Лида и Николай упали на траву.

– Коля, ты можешь идти? – тяжело дыша, спросила Лида.

– Я сюда-то еле доплёлся, – со стоном произнёс Николай. – Сильно болит нога, когда наступаю, всё тело прожигает.

– И, тем не менее, надо идти. До Малоросьяновки километра два, там у меня родственники, может, приютят.

– Придётся на одной ноге прыгать.

– Ничего, Коленька, помогу, ты обопрись на меня.

И девушка начала помогать подняться Николаю. Стоная и ругаясь, он всё же встал, однако о каком-либо движении не могло быть и речи, настолько он себя плохо чувствовал.

– Тебя всего трясёт, – произнесла Лида, щупая лоб. – К тому же большая температура. Боже, что же делать, Коленька...

Не в состоянии больше придерживать массивное тело парня Лида медленно опустила его на траву.

– Полежи здесь немного, я что-нибудь придумаю.

И девушка быстро побежала к кустам. Когда она пришла назад с многочисленными сломанными ветками, Николай был уже без сознания. Сказывалось серьёзное ранение. Ловко связав ветки, Лидочка сделала из них подобие волокуши, а затем аккуратно положила на них Николая. День уже клонился к вечеру, когда обессиленная девушка подтащила стонущего Николая к околице деревни. Немного передохнув, она наклонилась к Николаю и произнесла:

– Коля, потерпи, я скоро вернусь.

Хорошо зная деревню, Лида окольными путями, в основном через огороды пробралась к дому родственников. И правильно сделала, поскольку и в этой деревне уже размещалась немецкая часть после длительного марша. Всего одни сутки войны научили молоденькую девушку многому. Она не сразу вошла в дом, а долго пряталась в укрытии, дождавшись, когда из дома вышла её родственница, тётка Прасковья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.